

Карпович О.Г., Главный редактор,
доктор политических наук,
доктор юридических наук,
профессор

Ласария А.О., помощник Главного
редактора, ответственный
секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Шутов А.Д., председатель,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор

Анжела ди Грегорио, доктор
политологии, профессор
(Италия)

Анис Байректаревич, доктор
политологии, профессор
(Австрия)

Бажанов Е.П., заслуженный
деятель науки РФ, доктор
исторических наук,
профессор

Бартош Хордецкий, доктор
политологии (Польша)

Гарбузов В.Н., доктор
исторических наук, профессор

Громыко А.А.,
член-корреспондент РАН

Манойло А. В., доктор
политических наук

Пономарева Е. Г., доктор
политических наук, профессор

Шириняц А. А., доктор
политических наук, профессор

Филимонов Г. Ю., доктор
политических наук

Геополитический журнал

Номер свидетельства о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-61075

Наименование СМИ:

Геополитический журнал.

Форма распространения:
печатное СМИ журнал.

Территория распространения:

Российская Федерация,
зарубежные страны.

Языки: русский, английский.

Адрес редакции: 140015, Московская
область, г. Люберцы, Комсомольский
проспект, д. 4.

Тел.: (495) 7-400-600

E-mail: gp_j@bk.ru

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал
«Геополитический журнал» обязательна.

© «Геополитический журнал», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Денчев С., Палашев Н. Начало конца
долгое прощание с неолиберальным
политическим лидерством 3

Манойло А.В. «Праздник непослушания»
для Дональда Трампа 12

Казанин М.В. Некоторые аспекты военно-
политической и экономической ситуации
в республике Корея после размещения системы ПРО 16

Трифенова И.А. Классификация вооруженных
конфликтов в современном международном праве .. 23

Озманиян М.С. Имидж российского государства
и В.В. Путина в контексте гражданской войны
в Вирии (2015–2017 гг.) 31

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ

Карпович О.Г. Противодействию терроризму
в США: вопросы транспортной безопасности 37

Бочарников И.В. Современный левый экстремизм:
реанимация, динамика и направления развития 42

Задохин А.Г. Пацифизм и альтернативное
видение безопасности 52

РЕГИОНАЛИСТИКА

Цветкова О. В. Крымский регион в российско-
украинских отношениях 65

Фельдман П. Я. Политика согласования интересов
труда и капитала: анализ зарубежного опыта 70

ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Болдин В.А. К вопросу о дихотомии «панславизм-
неославизм» в отечественной науке 76

№ 2-3 (18)
JULY
2017

GEO POLITICS JOURNAL

O.G. Karpovich, Editor-in-Chief,
Doctor of Political Sciences,
Doctor of Law, Professor

A.O. Lasariya, assistant to Editor-in-Chief

EDITORIAL BOARD:

A.D. Shutov, Chairman, Honoured
Science Worker of the Russian
Federation, Doctor of Historical
Sciences, Professor

Angela Di Gregorio, Doctor of
Political Sciences, Professor (Italy)

Anis Bajrektarevic, Doctor of
Political Sciences, Professor
(Austria)

Ye.P. Bazhanov, Honoured Science
Worker of the Russian Federation,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Bartosz Hordetski, Doctor of
Political Sciences (Poland)

V.N Garbuzov, Doctor of Historical
Sciences, Professor

A.A. Gromyko, corresponding
member of RAS

A.V. Manoylo, Doctor of Political
Sciences

Ye.G. Ponomareva, Doctor of
Political Sciences, Professor

A.A. Shirinyants, Doctor of Political
Sciences, Professor

G.Yu. Filimonov, Doctor of Political
Sciences

The Geopolitics Journal

Certificate Number ПИ No. ФС77-61075

Name of the Media: The Geopolitics
Journal.

Distribution Form: printed media,
Journal.

Distribution Area: Russian Federation,
foreign countries.

Languages: Russian, English.

Address of the Editorial Staff:
Komsomolsky prospect 4, Lyubertsy,
140015.

Tel.: (495) 7-400-600

E-mail: gp_j@bk.ru

When reprinting and quoting, reference to the
Geopolitics Journal is required.

© The Geopolitics Journal, 2017

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLICY

- S. Denchev, N. Palashev.** Beginning of the end long
farewell with neoliberal political leadership.....3
- Manoylo A.V.** "Holiday of disobedience" for Donald Trump ... 12
- Kazanin M.V.** Some aspects of the military-political
and economic situation in the Republic of Korea
after the missile defense system deployment16
- Trifonova I.A.** Classification of armed conflicts in
modern international law23
- Ozmanyan M.S.** The image of the Russian State and
Vladimir Putin in the context of the civil war in syria
(2015 – 2017)31

INTERNATIONAL SECURITY AND COUNTERACTION TERRORISM

- Karpovich O. G.** Counter-terrorism in the United
States: issues of transport security.....37
- Bocharnikov I. V.** Modern left extremism:
reanimation, dynamics and directions of development... 42
- Zadokhin A.G.** Pacifism and alternative vision of safety... 52

REGIONALISTICS

- Tsvetkova O.V.** Crimean region in russian-ukrainian
relations.....65
- Fel'dman P. J.** Policy of coordination of interests of
wage-labour and capital: analysis of foreign experience ... 70

THEORY OF POLITICS

- Boldin V.A.** On the question of dichotomy
„panslavism-neoslavism“ in the domestic science.....76

Sam Poligrafist LLC, publishing company
Printed in OneBook printing house
Volgogradsky pr., 42, 109125, Moscow.
www.onebook.ru

Passed for printing 03.07.2017,
Order No. 70400
Size 70x108 1/16
Circulation: 500 copies.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

НАЧАЛО КОНЦА ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ С НЕОЛИБЕРАЛЬНЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЛИДЕРСТВОМ

Проф. д.н. Стоян Денчев

*Ректор, Университет библиотековедения и информационных технологий;
e-mail: s.denchev@unibit.bg,*

Проф. д.н. Николай Палашев

*Зав. Каф., Университет библиотековедения и информационных технологий;
e-mail: n_palashevj@abv.bg,
София, Болгария*

Аннотация. По приглашению известного и популярного в Индии и на всем Азиатском континенте научного журнала „Physical&SocialSciences“, (ISSN: 2249-6894) за несколько месяцев до президентских выборов в Соединенных штатах, коллега Палашев и я написали статью под названием „SOMEPROJECTIONSONPOLITICALLEADERSHIPINTHECONTEXTOFNEOLIBERALISM“, которая была опубликована 22.08.2016 г., том 6, издание 5 того же журнала. Оба мы не считаем себя гадалками, но, в конце концов, наше исследование как-то естественно вписалось в мировые события, последовавшие за избранием Дональда Трампа на пост президента США.

Ключевые слова: политическая модель, экономика, неолиберализм, легитимация, национальное государство, глобализм.

Prof. Ph.D. Stoyan Denchev,

*Rector, University of Library Science and Information Technology;
e-mail: s.denchev@unibit.bg,*

Prof. Ph.D. Nikolay Palashev

*Head. Kaf., University of Library Science and Information Technology;
e-mail: n_palashevj@abv.bg,
Sofia, Bulgaria*

BEGINNING OF THE END LONG FAREWELL WITH NEOLIBERAL POLITICAL LEADERSHIP

Abstract. At the invitation of the well-known scientific journal Physical & SocialSciences (ISSN: 2249-6894) a few months before the presidential elections in the United States, colleague Palashev and I wrote an article entitled “SOMEPROJECTIONSONPOLITICALLEADERSHIPINTHECONTEXTOFNEOLIBERALISM”, which was published August 22, 2016, volume 6, edition 5 of the same magazine. Both we do not consider ourselves fortune-teller, but, after all, our study somehow naturally blended with world events that followed the election of Donald Trump to the post of US president.

Key words: political model, economics, neoliberalism, legitimation, national state, globalism.

ВВЕДЕНИЕ

Вряд ли есть какие-то сомнения, что в настоящее время в т.н. демократическом миродоминирующей политической модели с соответствующей политической системой является неолиберализм. Как

известно, по определению, неолиберализм — это доктрина дерегулирования и ограничения вмешательства государства в экономическую жизнь в интересах расширенных возможностей для действия

и реализации интересов транснациональных компаний и банковского капитала.

Естественно, основной целью является достижение максимальной прибыли для корпораций, воспринимаемые как транснациональные финансовые и бизнес-субъекты. Как известно, с доктринальной точки зрения, наиболее ярки-епредставителенеолиберализма — это представители Фрайбургской школы, Чикагской школы экономики и Австрийской экономической школы, чьи разработки и постановки являются основой конкретной политики отдельных

стран и международных организаций, таких, как США, ЕС, ВБ, МВФ и вообще той части мира, воспринимаемой и квалифицируемой как евроатлантическое политическое пространство. Здесь не нужно обманывать себя, что неолиберализм касается исключительно финансовых вопросов, вопросов экономики и бизнеса. На практике, неолиберализм выходит за рамки экономического развития и перспективы и овладел не только политической жизнью, а вообще всей общественной жизнью во всех ее аспектах.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЕКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В современной мировой политической практике наблюдается попытка заменить образ мышления людей, их культуру, ценности и их восприятия относительно действительности, которые базируются на выстроенной ими народной и национальной идентичности. И эта подмена, учитывая качество жизни и духовного развития, совсем не в пользу большей части общества. Потому что неолиберализм подчиняет смысл человеческой сущности вопросу экономического порядка, который бы определял где, как и в каких количествах производить, возвышает потребление и потребительский менталитет в „высшую“ ценность, а также определяет и какие должны быть экономические стимулы, которые заставляют людей работать усердно, в основном, в пользу корпоративной прибыли. То есть, здесь стоит вопрос о типе регуляции общества, путем так называемой „невидимой руки рынка“. Теоретически это должно бы исключить любые конфликты, беспорядки и противоречия. Но действительность совсем иная. Не только, что нет исключения возможностей возникновения кризисов, далеко выходящих за пределы наблюдаемого до недавнего времени локального распространения, но они углубляют и на практике представляют собой

большой перманентный мировой кризис. На основе развития событий в последние три-четыре года на территории Европы и, в частности, в рамках Европейского союза (ЕС), можно установить, что не только отсутствие защиты интересов национальных обществ, но и то, что усугубляется неспособность преодолевать возникающие кризисы. Задостоверность-выше сказанного, мы могли бы привести несколько примеров, не углубляясь в их объяснение. Они получили „гражданственность по учебнику“ и только их упоминание говорит об их сути:

ПЕРВЫЙ ПРИМЕР — В результате корпоративных интересов, в первую очередь США, а также Германии и Франции, которые защищены именно неолиберальной политической моделью, был прекращен газовый проект „Южный поток“. Конечно, упомянутые интересы нашли своего опосредственного носителя в лице Европейской комиссии (ЕК) ЕС, подчеркивающей основания для этого, что необходимо дать отпор монополии российского газа путем выполнения положений Третьего энергетического пакета ЕС. На самом деле, при условии, что российский газ держит не более 30–35 % рынка говорить здесь о монополии не серьезно. И вот, за политическим высказыванием

лидеров ЕС, основанным на так и невыясненной конструкции „евро-атлантических ценностей“, скрывается правда, что стоит вопрос об элементарной попытке вытеснить Россию с европейского газового рынка в пользу интересов тех корпоративных субъектов, которые имели и все еще имеют намерение эксплуатировать энергетические ресурсы стран, на территории которых были реализованы так называемые „цветные революции“ или т.н. „арабские весны“. В этом случае, однако, фактически были нарушены национальные интересы ряда европейских стран, таких как Болгария, Македония, Сербия, Словения, Австрия, Венгрия и Италия. Под знаком договоренностей в ЕС политические лидеры в перечисленных выше странах, и особенно в тех, которые являются членами Союза, отступили от собственных национальных интересов. Эти политические лидеры, учитывая навязанные им нормы поведения и обязанности, продиктованные „сильными“ (прежде всего, Германией, Великобританией — до БРЕКЗИТ и Францией) в ЕС, перестали функционировать в качестве национальных политических лидеров. Они превратились в политических пуделей, которые, заискивая перед „сильными“, ожидают очередной порции „ласки по своей нежной политической спине“. На политическом уровне, однако, лидеры объясняют отступление от защиты национальных интересов в такой важной сфере, как энергетическая, затуманенной болтовней о демократии, о евроатлантических ценностях и европейском развитии. Так что, в этом случае можно смело говорить не просто о политической наивности, а скорее всего о политической наглости, и деградации сущности и функциональности этого типа „лидеров“.

ВТОРОЙ ПРИМЕР — Возникший кризис с вторжением в Европу мигрантов, в частности из стран, в которых произошли „цветные революции“ или так называемая „арабская весна“, а также из стран в состоянии фактической со-

циальной и экономической катастрофы, как, например, Афганистан, снова поднял многие вопросы, связанные с эффективностью и целесообразностью неолиберальных политических лидеров. В самом начале политические лидеры европейских стран, не известно почему называли их „беженцами“, большинство из которых впоследствии оказались людьми с сомнительными намерениями, но, главное, не способными вписаться в нормы европейского мира. Даже больше, некоторые из политических лидеров, например как г-жа Ангела Меркель, директно пригласила мигрантов отправиться в Германию. Есть только одно объяснение такого поведения и это то, что эти мигранты воспринимаются единственно в качестве потенциальной дешевой рабочей силы, опять же в пользу корпоративных интересов. Все это, как политическое высказывание со стороны политических лидеров проходит через такие понятия, как „интеграция“, „мультикультурализм“ и „принципы ЕС“ и другие аналогичные, используемые не просто как идеологемы, а в качестве основания для проведения конкретной политики. На практике, однако, особенно после таких случаев, как этот, в Кельне, стало очевидным, что содержание этих понятий уже исчерпано, и, более того, они фактически никогда его не имели и это не совместимо с реалиями. А это так, в основном, из-за факта, что они вступают в противоречие и непреодолимый конфликт с установленными культурологическими, ценностными и специфическими народопсихологическими особенностями национальных обществ в Европе. Вот здесь возникает особенно большая проблема, которая, прежде всего, связана с неспособностью политических лидеров преодолевать свои взаимосвязи с корпоративным интересом, чтобы они могли работать в интересах национального общественного интереса. Или, иными словами, речь идет об их отказе вести себя именно как национальные политические лидеры.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА. КУДА ТЕПЕРЬ ?

Указанные примеры, которые, конечно, являются только небольшой частью из ряда подобных, ставят вопрос о характере политических лидеров в условиях неолиберализма. В первую очередь здесь нужно остановить внимание на их идейной идентификации, так как именно она навязывает обществу тезисы и нормы управления.

Сегодня, все еще, в мире политики говорят о „левом“ и „правом“, как об основных идентифицирующих идеологемах. Но „левое“ и „правое“, именно как понятия, предполагают существование идеологий, а они, в свою очередь, предполагают специфическую классификацию частей общества, известных как классы. Вопрос, однако, в том, что в сегодняшних общественных реальностях существующего, хотя и контролируемого свободного передвижения людей, товаров и капитала, и фактически установлено глобальное информационное общество, даже при наилучшем желании нельзя установить наличие классов. На самом деле, одно из основных положений неолиберализма, а именно, что каждый выбор человека должен подчиняться и подчиняется путем конкретно проводимой политической интересов, навязываемого рынком, воспринимаемый как территория, принадлежащая исключительно корпоративному интересу, а не с точки зрения персонального или группового интереса людей, уничтожает возможность существования классов. В этом смысле (за исключением некоторых регионов, например, в Латинской Америке), кодификация политических лидеров по оси влево-вправо просто заменяет истину о их действительных настроениях, убеждениях и образе мышления и действия. То есть, в случае налицо заблуждение общества со стороны политических лидеров по отношению к идей-

ности их управления. К этому следует добавить и навязанный теми самими лидерами неолиберальный тезис, что человек свободен, потому что он свободен преследовать свои собственные интересы. Но факты, как безработица, низкий стандарт жизни большей части народа, уничтожение т.н. среднего класса, низкая степень защиты и безопасности, не просто опровергает указанный неолиберальный тезис, но и раскрывает характер политических лидеров в условиях неолиберализма как носителей и выразителей идейности, противоречащий действительным национальным интересам. Подтверждение последнего вывода находим и в докладе британской независимой организации „Oxfam International“, опубликованном к открытию Всемирного экономического форума в Давосе, Швейцария, в начале 2017 г. согласно которому 8 самых богатых людей планеты имеют столько же денег, что и половина человечества — 3,6 млрд. человек...?!!!

В результате этого современного политического лидерства, на данный момент национальные общества находятся в ситуации, при которой образование уже не поле для интеллектуального развития, а рыночная ниша, здравоохранение уже не является фактической частью национальной безопасности, а является рыночной нишей, культура — это не состояние духа, а является рыночной нишей, искусство не является эманацией человеческого понимания о красивом и страшном, о хорошем и плохом, о стоящем и пошлом, а является рыночной нишей. Именно в этой среде и в этих условиях политические лидеры не просто функционируют, но и успешно навязывают принципы, нормы, законы и политические практики. Что же это такое, что позволяет им делать это, при условии, что очевидна де-

структивность по отношению к национальному общественному интересу? Вопрос прежде всего сводится к легитимации и легитимности политических лидеров.

Легитимация и последующее легитимирование политических лидеров в условиях неолиберализма и э-Демократии имеют три основных фундамента — политическая система, т.н. „гражданское общество“ и средства массовой информации.

Политическая система, квалифицируемая как „демократическая“, на практике до выбора г-н Дональда Трампа президентом США, предопределяла „голос народа“ только политическим лицам, которые заранее давали свое согласие, что единственно правильной является либеральная технология управления, осуществляемая посредством понятия интереса, но интереса, который сосредоточен в сфере материального благополучия. В этом смысле, любое отклонение от неолиберальной идеи считается недемократичным, непременно ей ищут аналог в доктринах, как фашизм, националсоциализм или с идеологиями, как коммунизм. На общественном уровне лидеров, выходящих из парадигмы неолиберализма, демонизируют и в конечном итоге описывают, как маргиналов, даже и в тех случаях, когда у них есть идеи, очевидно логические и возможно работающие на защиту национального интереса. Таким образом, политический ландшафт полностью очищен и вопрос заключается только в выборных технологиях, чтобы власть перешла в руки политических лидеров, подчиняющихся неолиберальной идеи. Без значения и последствий остаются случаи фальсификации выборов, грубых манипуляций, применяемых по отношению персональных качеств лидеров, а также тот факт, что в течение длительного времени (ряда мандатов) на политической сцене наблюдаются одни и те же лица. Иными

словами, можно сказать, что политическая система функционирует как формула для приобретения власти с заранее известным результатом. И в этом смысле политические лидеры в условиях неолиберализма не просто отказываются, но и становятся неспособными владеть одной из наиболее важных характеристик лидера, а именно, предлагать идеи в пользу национальных обществ, и намечать пути их реализации.

Почему можно определить т.н. „гражданское общество“ как второй фундамент легитимации политических лидеров в условиях неолиберализма? По определению гражданское общество — это добровольное объединение людей, чья основная и единственная задача — достичь общественно значимых и полезных целей, при этом оно обязательно самоорганизуется, самоконтролируется, самофинансируется и находится вне политических организаций и государственных учреждений, но действует в рамках закона. На практике, однако, это определение никогда не было исполнено содержанием или, если это происходило с отдельными неправительственными организациями, то их значение для общественно значимых и полезных целей незначительно и на фактически не имеет никакого отношения к организации общественных отношений в пользу национальных интересов. В большинстве случаев представителями т.н. „гражданского общества“ являются организации, которые доказано финансируются извне, при чем это финансирование, без сомнения, происходит из ясно видных иностранных, корпоративных, религиозных, псевдорелигиозных, бизнес-или финансовых субъектов. В качестве примера можно упомянуть, что, согласно объявленной в публичном пространстве информации, так называемые „носители грантов“ „освоили“ миллиарды долларов, без ясных целей и достигнутых результатов в интересах отдельных национальных государств. В связи с харак-

тером их финансирования намечаются и действия, развитые тезы и идеи этих НПО, которые обязательно были за защиту и синхронизацию с неолиберальными тезисами и идеями, навязываемые именно как политики и политические практики. Вот почему можно сказать, что эти организации, которые следовало бы по своему определению быть активным на поле неправительственного сектора, на самом деле находятся в порочном симбиозе с политиками, соответственно, с политическими лидерами в условиях неолиберализма. Через свои публичные высказывания, в осуществление протестов и антипротестов, как и в любых других различных публичных проявлениях, считающие себя представителями „гражданского общества“ являются не просто защитниками политических лидеров, но и навязывают обществу свою роль морального судьи, нравственного цензора и „демократического“ сторожа, с самочувствием последней демократической инстанции. Именно этот симбиоз дает основание утверждать, что т. н. „гражданское общество“ является неотъемлемой частью конструкции легитимации неолиберальных политических лидеров.

Но, конечно, политическая система и „гражданское общество“ не были бы достаточны для легитимации и легитимирования политических лидеров в условиях неолиберализма, если бы не было средств массовой информации (СМИ), использующих современные достижения информационных и коммуникационных технологий, которые на общественном уровне закрепляют их легитимность. А это становится возможным благодаря факту, что современные СМИ променили свою сущность через свои три проявления „носителей информации“, „трансформаторов информации“ и „медиаторов“.

Что касается первого проявления, здесь уже все начало меняться в „положительном“ направлении. Современ-

ные социальные сети, являясь основной частью механизмов э-Управления и, в частности, э-Демократии, в последнее время начали изменять существующее статус-кво. Показателен в этом отношении пример с предвыборной кампанией Дональда Трампа. Не будучи работником стереотипов, он отправлял свои послания именно через социальные сети, а т. н. конвенциональные средства массовой информации „были обязаны“ их отражать. По данным американских исследовательских центров, таким образом, г-н Трамп сумел „выиграть“ более 5 миллиардов долларов, в то время как его конкурент по предвыборной гонке — г-жа Хиллари Клинтон, „утратила“ немного больше 10 миллиардов долларов. Для сравнения, президент Обама также использовал тактику президента Трампа, но его „достижением“ является только 1 миллиард долларов.

Второе проявление — СМИ в качестве трансформаторов информации, также терпит развитие. В сложившейся социальной практике в течение многих лет доминировал тезис, что „это правда, потому что о нем пишут в газете, или потому, что о нем сказали по телевизору или радио“. „Да, но нет!“ (популярное выражение болгарского политического обозревателя г-на Петко Бочарова). Техника и технологии, на которых базируется э-Управление начали менять эту устаревшую парадигму. В последние месяцы, в специализированных научно-исследовательских, технологических и социальных центрах не только стали говорить, но и предпринимать практические действия для устранения и недопущения сознательного или бессознательного распространения в социальных сетях (например Facebook) тиражированной неверной информации, и, в частности, фальшивых новостей.

Третье проявление — это то, что дает возможность заменить действительную сущность политических лидеров в отношении их концептуальной анонимности.

На самом деле, политические лидеры, в условиях неолиберализма не обладают собственной, аутентичной идейностью, основанной на исконных и общепринятых ценностях, характерных для национальных обществ, а функционируют под знаком навязанной им неолиберальной идеи, системы ценностей, обслуживающих транснациональный капитал и бизнес. Именно в этом направлении средства массовой информации в качестве „медиаторов“, осуществляют манипулирование общественного мнения, представляют политических лидеров в условиях неолиберализма, как настоящих политических титанов, способных быть ответственными за соблюдение национальных интересов. При этом средства массовой информации делают все это убедительно, потому что сами они уже являются корпоративными субъектами и естественной частью субъектов, представляющих неолиберальную идею. Вот почему, в отношении процесса легитимации политических лидеров, такие вопросы, как „журналистская объективность“ и „свобода слова“ (понимается как свобода СМИ) просто понятия лишены содержания, но навязываемые в качестве неотменяемой парадигмы. В этом смысле роль средств массовой информации вдвойне деструктивна, так как кроме публичной фиксации легитимации политических лидеров в условиях неолиберализма, они действуют деструктивно и против системы идентичности самого национального общества. В сущности, речь идет о действиях, которые эрозируют устойчивость общества, превращают его членов в колеблющихся, неуверенных в своих настроениях и образе мышления людей, которые, в конечном счете, не имеют другого варианта, кроме как смириться быть просто обслуживающим персоналом и консуматорскими биологическими единицами.

Представленный тезис подтверждается и последним докладом (2016 Annual Global Study) одной из крупнейших

консалтинговых компаний в мире — Edelman Trust Barometer. В докладе говорится, что общественное доверие в традиционных СМИ достигло самого низкого уровня, так как люди все больше предпочитают получать информацию и верить своим приятелям и знакомым в Интернете, воспринимая их как безальтернативный источник новостей и, отметьте, истины. В дополнение к вышеуказанному выводу, впервые в 21 из 28 ведущих стран мира, в которых было проведено исследование, общественное мнение категоризовано как недоверчивое к правительствам, бизнесу, неправительственным организациям и традиционным СМИ. С научной точки зрения это исследование и, особенно, его результаты можно и нужно объяснять не только на основе т.н. социальных наук, но и постулатами и механизмами науки об информировании (Informing Science).

Итак, что можно сказать о сущности и характере политических лидеров в условиях неолиберализма, имея в виду защиту национального, общественного интереса? Прежде всего следует указать, что при данном типе политических лидеров речь идет о мимикрии их политической сущности. До сих пор эта мимикрия вела за собой отказ от защиты интересов национальных обществ в пользу транснационального капитала и бизнеса. В этом смысле, политические лидеры в условиях неолиберализма фактически функционируют как инородное тело для этих обществ. Возможно ли, однако, это изменить? Возможно ли политическую систему, напрямую связанную с мощью бизнеса и капитала элиминировать от общественной жизни? На первый взгляд это кажется невозможным в условиях материального мира, в котором мы живем. Но, несмотря на это, неолиберализм не безальтернативен. Потому что неолиберальная идея не принимает во внимание факт, что национальное государство, как форма управления обществом, совсем не является „мертвым“.

Наоборот, все указывает, что навязанные общие нормы, например, в рамках ЕС, в большинстве случаев не исполняются, и не потому, что существует какое-либо организованное сопротивление со стороны стран-членов, а потому, что они вступают в непреодолимое противоречие со спецификой того, что мы определяем как нацию. В этом смысле, альтернативу можно искать в направлении договаривания отдельных национальных интересов и в поиске точки пересечения этих интересов, не принося вред нациям

и не роняя их систему ценностей и специфику их культуры. В этом направлении уже можно сказать, что наблюдается четкая тенденция. Во многих странах мира наступают видимые политические перемены, которые обобщенно можно определить как отказ от подчинения нормам и принципам социально-политической модели, предполагающей грубое „администрирование“ и контроль над глобализмом и вызывающей резкое искривление и нарушение общественной коммуникации.

МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ ПРОЦЕССАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ?

По нашему мнению, истинные причины для экспансии этого явления кроются в неправильном дефинировании, использовании и объяснении понятия ГЛОБАЛИЗМА и его практической интерпретации. Мы думаем, что глобализм является иманентной, неотъемлемой частью политико-экономического развития мира. Глобализм в политике и экономике не только возможен, он является необходимой составной частью для ускорения развития общественных отношений. Мы противники антиглобалистских движений и их отчаянных попыток остановить ход естественного развития общества. Мы категорические противники, однако, и тех, которые думают, что идеи и практики глобализма, кроме в политике и экономике должны применяться и в культуре, в ее самом широком понимании. Действия таких людей и определенных политических кругов со всемирным влиянием лежат в основе нарушенной общественной коммуникации.

Если взять для примера Республику Турция, мы могли бы заметить, что там вездехозяева любезно предлагают гостям домашние тапочки с презумпцией, что они снимут обувь, входя в их дома. Вот это типичный пример быта, для специфической культуры определен-

ной группы людей, которые исповедуют одинаковые или близкие ценности. Эти культурные традиции формировались под влиянием различных факторов на протяжении веков. Другим типичным примером в этом отношении является и нежелание индийцев пожимать друг другу руки. В этих двух случаях, совсем упрощенно говоря, глобализация в области культуры представляет собой войти в туфлях в дома турок и пожимать руки индийцам. Некоторые из нас могли бы сказать „... и что из этого? Что особенного случилось?“ Наоборот, произошло что-то большое. Что-то противное, что находится с установленными веками традиционным общественным отношением. То, что приводит к реакции, к сопротивлению. По нашему мнению, нет необходимости продолжать развивать этот тезис. Экстраполяция высказанных выше мыслей показывает, что тенденция здесь ясна.

Глобализация в области культуры ведет к необратимым общественным и цивилизационным нарушениям и задача общества в целом — сократить до минимума как и ее негативное влияние на естественный ход истории, так и ее непосредственные воздействия, приносящие ничем неоправданные человеческие трагедии, духовные разрушения и перманентный страх.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, указанные здесь примеры имеют различный характер, содержание и форму, но, переходя от частного к общему, в конечном счете, речь идет о своеобразной защите и реставрации функций национального государства. Доказательства этого, (на другом, более высоком уровне) можно найти в т.н. BREXIT — выхода Великобритании из Европейского союза. В качестве примеров в поддержку тезиса о выборе новых альтернатив могут быть указаны действия венгерского премьера Виктора Орбана и других руководителей страны из т.н. Вышеградской четверки. Но список примеров можно продолжить проводимой президентом Российской Федерации Владимиром Путиным политикой или политикой и практическими действиями президента Республики Турции Реджеп Таип Эрдогана. Конечно, для каждого из этих примеров можно найти основания для критики,

включительно и по таким темам, как нарушение прав человека или свободы слова, но на самом деле речь идет о поиске способов именно для реставрации и возрождение функций национального государства. И естественно, что этот процесс уже говорит об утверждении нового типа лидеров. В этой связи, может быть эти альтернативы в их совокупности можно определить как доктрину патриотического прагматизма, которая родит действительно реальных политических лидеров в современном и будущем мире.

Начало уже было положено. Победа г-на Трампа в гонке за пост президента Соединенных Штатов Америки открыла и „ввела в действие“ долгожданную волну реальных политических изменений во всем мире.

Остается посмотреть, будет ли это начало успешным или останется только началом...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бауман, З., Глобализацията, „ЛИК“, С., 1999
2. Боббио, Н., Дясно и ляво, „ЛИК“, С., 2001
3. Джант, Х., 23 неща, които не се казват за капитализма, С., 2015
4. Гласър, У., Теория на избора, „Кръгозор“, С., 2001
5. Дракър, П., Новите реалности, „Христо Ботев“, С., 1992
6. Лукач, Дж., Демокрация и популизъм, „Обсидиан“, С., 2005
7. Палашев, Н., Да създаваш реалности, „За буквите — О писменах“, С., 2007
8. Argenti, P., Corporate communication, „Irwin“, Boston, 1994
9. Dentchev, S., Peteva, I., Culture de transparence: societe, information, biblioteques. -Paris, L'Harmattan, 2010
10. Lasswell, H., The structure and function of mass communication in society, „O&C“

«ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ» ДЛЯ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Манойло А.В.

Доктор политических наук.

Профессор кафедры российской политики факультета политологии

МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия.

e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу итогов встречи президентов Российской Федерации и США — Владимира Путина и Дональда Трампа – на полях саммита G20 в Гамбурге. Отмечается, что эта встреча, затянувшаяся на два с лишним часа, стала самым ожидаемым событием года и самой главной неожиданностью для западной политической элиты, ожидавшей, что президенты Д. Трамп и В. Путин окончательно расстроят российско-американские отношения. Однако, президенты договорились по всем основным пунктам внешнеполитической повестки и, тем самым, сделали эту встречу поворотной в отношениях между нашими странами. Особенно следует отметить договоренность между Россией и США о создании совместной комиссии по расследованию всех инцидентов, связанных с кибератаками, деятельностью хакеров, попытками удаленного вмешательства во внутренние дела России и США с использованием ресурса открытых информационно-коммуникационных сетей. Следует отметить, что эта комиссия по факту и так уже существовала, на основе неформальных договоренностей, и вот теперь ей придан официальный международно-правовой статус.

Ключевые слова: G20, политика, Путин, Трамп, кибербезопасность, российско-американские отношения, Сирия, США, Россия, терроризм, международные отношения, переговоры, Гамбург.

Manoylo A.V.

Doctor of Political Sciences.

Professor of the Department of Russian Politics Faculty of Political Science Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia.

e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

“HOLIDAY OF DISOBEDIENCE” FOR DONALD TRUMP

Abstract. This article is devoted to the analysis of the outcome of the meeting between the presidents of the Russian Federation and the United States — Vladimir Putin and Donald Trump — on the margins of the G20 summit in Hamburg. It is noted that this meeting, which lasted more than two hours, was the most anticipated event of the year and the most important surprise for the Western political elite, who expected that Presidents D. Trump and V. Putin would completely upset Russian-American relations. However, the presidents agreed on all the main points of the foreign policy agenda and, as a result, made this meeting a turning point in the relations between our countries. Especially it should be noted the agreement between Russia and the United States on the establishment of a joint commission to investigate all incidents involving cyberattacks, hacking, attempts to remotely interfere in the internal affairs of Russia and the United States using the resource of open information and communication networks. It should be noted that this commission in fact already existed, on the basis of informal arrangements, and now it is given an official international legal status.

Keywords: G20, politics, Putin, Trump, cybersecurity, Russian-American relations, Syria, USA, Russia, terrorism, international relations, negotiations, Hamburg.

«Меланья, останови мужа!», или кто и зачем пытался использовать Меланию Трамп для вмешательства в переговоры президентов России и США

Главным событием прошедшей недели, несомненно, стал саммит «Большой двадцатки» в Гамбурге, в рамках кото-

рого впервые встретились президенты Путин и Трамп. Их встреча, по регламенту занимавшая 30 минут, в итоге рас-

тянулась на два с лишним часа, и увлекшихся взаимной беседой президентов в результате едва ли не пришлось разнимать: для этого, по словам государственного секретаря Рекса Тиллерсона, советники Трампа даже попытались уговорить Меланью лично вмешаться в ход встречи и вручную «оттащить» президента от Путина. Все это время в сторонке терпеливо ожидали окончания встречи премьер-министр Японии Синдзо Абэ и премьер-министр Великобритании Тереза Мэй, у которых также были запланированы встречи тет-а-тет с президентами России и США. Из-за того, что Трамп и Путин слишком увлеклись беседой, регламент поплыл и двум премьерам пришлось ждать своего часа более часа.

В результате президенты России и США расстались на подъеме, очень довольные друг другом. Судя по их довольному виду, они договорились по основным всем основным пунктам и спорным вопросам. Так, президенты США и Российской Федерации договорились о создании на юго-западе Сирии демилитаризованной зоны, контролировать которую в тесном контакте с американцами будет российская военная полиция. США обязались принудить все проамериканские группировки временно прекратить вооруженное сопротивление режиму Башара Асада. Это — своеобразный эксперимент, который, в случае положительного результата, планируется распространить и на другие части Сирии. Следует отметить, что именно на юге Сирии — в провинции Дераа — в 2011 году под влиянием «Арабской весны» начались первые вооруженные выступления [2] против Асада, положившие начало гражданской войне. Теперь остается только гадать, как именно отразится заключение этих договоренностей на позициях России и США относительно северных провинций, захваченных и удерживаемых разного рода оппозиционными группировками, в от-

ношении дальнейшей судьбы которых у России и США есть существенные расхождения.

По итогам встречи Трамп назвал переговоры с Путиным грандиозным событием, а Путин — весьма конструктивным. В самом деле, в ходе беседы президенты шутили, смеялись, вели себя раскованно и непринужденно. Между тем, этот формат встречи не был predetermined заранее: напротив, все участники G20 ожидали, что Трамп привез Путину очередной ультиматум, на этот раз — окончательный. Этому способствовали довольно резкие заявления Трампа относительно как самой России, так и личности российского президента.

Так, во время визита в Варшаву (6 июля 2017 года) Трамп заявил, что «Москва ведет дестабилизирующую деятельность на мировой арене и якобы оказывает поддержку враждебным режимам» — сирийскому и иранскому. По его мнению, действия России в Восточной Европе носят дестабилизирующий характер. Вместо этого, по словам американского президента, Москва должна присоединиться к сообществу ответственных наций в борьбе с общими врагами [1]. Одновременно Трамп призвал Россию прекратить агрессию в отношении Украины.

Кроме того, в преддверии саммита Большой двадцатки Трамп неоднократно заявлял, что он будет говорить с Путиным «исключительно жестко». Напуганная этими заявлениями, западная пресса стала писать о том, что встреча Трампа и Путина — это последний шанс разрешить конфликт между Россией и США мирным путем, без драки. Российская пресса стала продвигать различные сценарии того, как именно Путин «переиграет» Трампа, применив, вероятно, один из секретных приемов дзюдо. В свою очередь, эти заявления Трампа, подхваченные западными СМИ, так напугали Меркель, что она в ужасе категорически отказалась от предложенной ей

роли посредника в переговорах Трампа с Путиным, обоснованно опасаясь, что тогда ей по касательной прилетит и от той, и от другой стороны так, что мало не покажется.

Путин, видя, в какую сторону ветер дует, прилетел на саммит G20, обогнув воздушные пространства всех натовских стран по большой дуге, сделав крюк в 500 километров. Чтобы натовские доброжелатели случайно не запендюрили ему в хвост каким-нибудь инновационным изделием американской военной промышленности. В ответ на просочившуюся в СМИ информацию о том, что сирийские боевики готовят постановочные теракты с применением химического оружия с целью обвинить в этих атаках Асада, Россия ответила резким «высокоточным» заявлением «русского терминатора» Марии Захаровой и точечными ударами новейшими российскими ракетами X-101 по землянкам ИГИЛ, продемонстрировав готовность немедленно ответить ударом на удар. Мир замер в шаге от нового Карибского кризиса — в ожидании «момента истины», которым и стала встреча Путина и Трампа.

В принципе, в этих условиях переговоры могли пойти по любому сценарию, в том числе по негативному. На это указывал тот факт, что оба президента непосредственно перед встречей очень нервничали. Дональд Трамп втянул голову в плечи (как перед дракой) и сгорбился так, что его руки уперлись в пол, и ему пришлось их сцепить замком. Владимир Путин, напротив, сидел в подчеркнuto расслабленной позе, но при этом все время ковырял одним пальцем другой в поисках несуществующего заусенца. Их соратники — Тиллерсон и Лавров — вжались в кресла, стараясь выглядеть как можно менее заметными. Напряжение, витавшее в воздухе, и неуверенность в конечном исходе переговоров напоминали атмосферу перед грозой.

Однако в итоге ситуация вывернулась совершенно неожиданным образом:

президенты нашли общие точки соприкосновения. О чем именно они разговаривали в течение этих двух часов — так и осталось тайной, за исключением нескольких эпизодов по Сирии и Украине. По-видимому, они не столько обсуждали частные вопросы, сколько выработывали новые правила прямой коммуникации, минуя посредников. Тот факт, что на встрече затрагивались вопросы, связанные с кибербезопасностью и т.н. атаками «русских хзакеров», говорит о том, что в отражении информационной войны, развязанной против Трампа его противниками в конгрессе, президенты наших стран договорились действовать совместно.

Именно благодаря этим успехам Путин с уверенностью провел встречу в Макроном и Меркель, которые были в полной растерянности от того, что не в курсе, о чем именно договорились Трап и Путин; а Трамп по отечески принял Терезу Мэй, не забыв вставить и ей, что встреча с Путиным была грандиозной, а «тебе до него еще расти и расти».

Все это в совокупности в самое ближайшее время могло бы привести не только к изменению существующего баланса сил, очертаний военно-политических союзов и коалиций, но и к изменению геополитической картины мира. Если бы не одно существенное «но»: вернувшись в Штаты и вновь оказавшись под опекой конгресса, Трамп испугался собственной смелости и быстро начал отыгрывать взад все то, о чем он договорился с Путиным. Так, одним из первых твиттов Трамп перечеркнул значительную часть действительно имевших место договоренностей со своим российским коллегой, написав, что его длительная беседа с Путиным еще не означает, что он дал слабину и согласился со всеми предложениями российского коллеги. Действительно, «обещать жениться — еще не значит жениться». Своим следующим твиттом Трамп перечеркнул еще

одну договоренность — о создании совместной с Москвой группы по борьбе с кибератаками и расследованию атак анонимных хакеров, вмешивающихся

во внутренние дела США и России. А такая договоренность была.

Тем самым праздник непослушания для Дональда Трампа закончился.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Трамп: США призывают Россию прекратить «поддержку враждебных режимов». / ТАСС. 2017, 6 июля. <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4393062>
2. Карпович О.Г. Кризис миротворчества и модели управления международными конфликтами России, США и Европейского Союза. // Политика и общество. 2012. №1. С. 88-99.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ ПОСЛЕ РАЗМЕЩЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРО

Казанин Максим Владимирович,

доцент кафедры английского языка государственного казенного образовательного учреждения
высшего образования «Российская таможенная академия»,

кандидат политических наук

Эл.почта: mkazanin@yandex.ru

Аннотация. Размещение американской системы ПРО в Республике Корея весной 2017 г. в значительной мере обусловило осложнение военно-политической обстановки в АТР. В настоящей статье представлена, в определенной мере, геополитическая ситуация в регионе: дана характеристика роли США, рассмотрены военно-политические и экономические действия властей Поднебесной, а также сделана попытка определить позицию нового главы южнокорейского государства Мун Чжэ Ина.

Ключевые слова: Корейский полуостров, система ПРО, РЛС, ракетная угроза, военная безопасность, экономические проблемы.

M.V.Kazanin

English language department Russian Customs Academy, associate professor, candidate of political science

E-mail: mkazanin@yandex.ru

SOME ASPECTS OF THE MILITARY-POLITICAL AND ECONOMIC SITUATION IN THE REPUBLIC OF KOREA AFTER THE MISSILE DEFENSE SYSTEM DEPLOYMENT

Abstract. The article is devoted to the deployment of the US missile defense system in the Republic of Korea in the spring of 2017 that seriously complicated the military-political situation in the Asia-Pacific Region. In this article the geopolitical situation in the region is presented, also given characteristics of the role of the USA, the military-political and economic actions of the authorities of the Celestial Empire are considered. Author also made an attempt to determine the position of the new head of the South Korean state Mun Zhi In.

Key words: Korean Peninsula, ABM system, radar, missile threat, military security, economic problems.

Известно, что в период пребывания у власти в Республике Корея (РК) Ли Мен Бака и Пак Кын Хе отношения между Сеулом и Пхеньяном постепенно ухудшались, а мирное экономическое сотрудничество сократилось практически до «нуля». Более того, высокопоставленные должностные лица РК неоднократно заявляли, что именно вероятность применения ядерного оружия северным соседом стала основной причиной решения Сеула о формировании эшелонированной системы противоракетной обороны.

По данным СМИ КНР, утром 26 апреля 2017 г. конвой из 20 грузовиков доста-

вил компоненты первой батареи противоракетной системы типа «ТНААД» на территорию гольф-клуба в уезде Сонгджу (Seongju) провинции Северный Генсан (North Gyengsang) в 135 (по другим данным 155) милях к юго-востоку от Сеула, который до июня 2016 г. принадлежал корпорации «Лоттэ». Операторами батареи ПРО являются военнослужащие 35-й бригады ПВО 8-й армии СВ США, дислоцированной на постоянной основе в РК. Это событие определило изменение баланса сил в регионе, возникновение новых угроз безопасности КНР и РФ, что требует детального анализа обстановки, в том числе роли США и от-

ветных действий КНР, а также позиции нового Президента РК Мун Чжэ Ина.

Возможности батареи ПРО

Вероятно, на территории бывшего гольф-клуба размещены шесть пусковых установок ракет-перехватчиков типа GB1. На фотографиях, находящихся в открытом доступе, изображены радиолокационная станция (РЛС) X-диапазона AN/TPY-2, мобильные генераторы и станции спутниковой связи. По данным из китайских источников, площадь антенны РЛС X-диапазона AN/TPY-2 составляет 9,2 кв.м, она состоит из 25334 приемников-передатчиков [1].

Предусмотрены два режима работы: в первом режиме («дежурный») потребляемая мощность антенны составляет 80 кВт, в «тревожном» достигает 150 кВт. По причине высокой вероятности выхода из строя приемников-передатчиков станция может работать в «тревожном» режиме не более восьми часов [2]. Дальность обнаружения одиночной цели РЛС AN/TPY-2 зависит от показателя «эффективная площадь рассеивания» (табл. 1). В случае одновременного отслеживания множества целей дальность обнаружения и принятия объектов на сопровождение варьируется от 580 до 1026 км.

Таблица 1

Дальность обнаружения целей РЛС AN/TPY-2

Эффективная площадь рассеивания одиночной цели (кв.м)	Дальность обнаружения воздушной цели (км)
100	2300
1,0	1700
0,5	1540
0,1	1300
0,01	870

Однако к слабым сторонам батареи ПРО типа «ТНААД» бывший командующий ПВО ВВС РК генерал-майор запаса Юн Сун Ли относит наличие у станции AN/TPY-2 «мертвых зон», в связи с чем необходимо дополнение в виде батарей/дивизионов ЗРС MIM-104MSE «Patriot» PAC3, которые представляют собой последний рубеж ПРО [3].

Роль США в ситуации

Размещение батареи — это, несомненно, этап реализации стратегического замысла политического истеблишмента США по созданию азиатского НАТО. Представители властных кругов США заявляют о заинтересованности в обеспечении военной безопасности союзника (РК). Так, по словам генерала Винсента К.Брукса, командующего ВС США

в РК, который выступил на очередном рабочем заседании совета по безопасности 26.05.2017 (организован НИИ национальной обороны РК и группой высших офицеров ВС РК в отставке), военно-политическое руководство США уверено, что батареи ПРО типа «ТНААД» позволят защитить РК от ракетной угрозы из КНДР и не преследуют никакой другой цели.

Реально заинтересованность США и Японии в размещении данной батареи обусловлена следующим. РЛС X-диапазона в Сонгджу позволит обнаруживать пуски баллистических ракет с территории КНДР, КНР и даже части территории РФ и своевременно предупреждать подразделения ПРО в Японии и США. Станции, размещенные в РК, выполняют роль передовых РЛС,

которые необходимы для нормального функционирования систем ПРО, создаваемых в США и Японии. Очевидно, что РЛС батарей «ТНААД», размещенные в РК, и в перспективе в Японии, а также загоризонтные РЛС ВС Тайваня должны сформировать сплошной радиолокационный рубеж вдоль восточной морской границы КНР [4].

Китайские аналитики отмечают, что Пак Кын Хе «слепо верила» во «всемогущество» системы ПРО «ТНААД», которая, по замыслу Вашингтона, должна будет входить в систему ПРО АТР, а значит и глобальной системы ПРО США. Но, по мнению специалистов из КНР, даже две батареи «ТНААД» обеспечат лишь частичное «прикрытие» некоторых военных баз США в РК («Camp Walker» в Тэгу; АвБ Кунсан, ВМБ Пусан) и практически не способны защитить населенные пункты РК от обстрела из тысяч орудий крупнокалиберной и сотен установок реактивной артиллерии Кореической Народной Армии.

Отметим, что наличие союзнических отношений не отменяет оплаты официальным Сеулом размещения батареи ПРО (один млрд. долл. США): об этом говорил Президент США Барак Обама и в ультимативной форме заявил Президент США Дональд Трамп. Из заявлений высокопоставленных американских генералов также следует, что осуществление вывода батареи ПРО из РК практически нереально.

Признаком того, что США оказывают давление на Мун Чжэ Ина стали информация о размещении в РК подразделения кибербезопасности МО США, которому поставлена задача по защите информации о системе ПРО, и визит сенатора-демократа от штата Иллинойс Дика Дюрбина (Dick Durbin), который провел переговоры с высшим руководством Южной Кореи (в том числе Президентом, министром обороны), а также встретился с представителями Командования ВС США в РК. Американский законодатель отметил, что основная цель

его визита состоит в понимании реальной позиции Сеула в связи с заявлениями Президента США Д.Трампа в отношении КНДР. По данным китайских источников, в ходе беседы Президент РК заявил, что не намерен пересматривать решение предыдущей администрации, при этом вопрос находится в компетенции Национальной Ассамблеи [5].

Действия КНР

Размещение этой системы привело к ухудшению отношений РК и КНР в политическом плане и, соответственно, к сокращению экономического взаимодействия. Есть информация, что представители высшего политического руководства Поднебесной неоднократно предупреждали Пак Кын Хе о том, что ее политические решения приведут к импичменту. Как отмечают китайские обозреватели, администрация Пак Кын Хе совершила несколько серьезных ошибок, в том числе:

- ▶ арест по сфабрикованным обвинениям в коррупции той части руководства корпорации «Лоттэ», которая понимала последствия размещения батареи ПРО, что повлекло массовые протесты населения;
- ▶ не проведение голосования в Национальной Ассамблее по вопросу размещения батареи ПРО [6].

Экономически меры, предпринятые властями КНР в отношении южнокорейского бизнеса, более чем серьезные, применено прямое административное давление. Наглядный пример — компания «Лоттэ»: в КНР из 112 магазинов оперативно (в течение часа) были закрыты 55 магазинов, еще 74 магазина закрыты из-за проблем с пожарной безопасностью, остальные — по «собственной воле». В результате убытки составили, по некоторым данным, 1,75 млрд. долл. США. Есть информация, что корпорация «Лоттэ» для погашения части убытков планирует продать китайской корпорации «Хуалянь»

до 30 магазинов [7]. Значительно снизились продажи в Китае продукции других южнокорейских производителей: «Киа» на 68%, «Хендэ» на 52,5%, «Самсунг» на 52,6% [8]. В марте 2017 г. соответствующие министерства и ведомства КНР провели ревизию контрактов между китайскими и корейскими компаниями. По результатам проверки 23 корейским компаниям отказано в оформлении таможенных деклараций, 15 компаниям аннулированы контракты, у 14 аннулированы лицензии на право деятельности и у 4 заблокированы банковские счета. Китайские власти приняли ограничительные меры и в отношении туристического сектора РК, потери южнокорейских компаний, ориентированных на китайских туристов, могут составить от 34,4 до 93,3 млрд. юаней; есть информация, что в мае 2017 г. объем туристических поездок упал на 82%.

Следует отметить, что до обострения ситуации только в 2016 г. китайские компании инвестировали в РК чуть более двух млрд. юаней, тогда как корейские компании вложили почти четыре млрд. юаней в китайские проекты. По предварительным подсчетам из-за размещения батареи ПРО бюджет РК понесет в 2017 г. убытки в размере 0,5% ВВП страны.

Интерес представляют и действия военно-политического характера, предпринимаемые китайской стороной, которая самым внимательным образом наблюдает за ситуацией с ПРО в Южной Корее, так как эта система представляет угрозу для стратегической безопасности КНР.

Первое. Регулярные испытательные пуски баллистических ракет средней дальности «Восточный ветер 26» из районов боевого патрулирования Ракетных Войск (РВ) НОАК на территории провинции Ляонин [9]. Известно, что ракеты оснащены новейшей маневрирующей головной частью, развивающей скорость до 12 МАХа, радиоэлектронной системой наведения, позволяющей с высокой точностью поражать РЛС, электростанции и другие объекты, обладающие сильным электрическим полем. Очевидно, что подобные ракеты необходимы РВ НОАК для борьбы с РЛС типа AN/TPY-2 и другими компонентами батарей и дивизионов ПРО типа «ТНААД».

Второе. Китайские военные уже отрабатывают тактику действий групп малозаметных беспилотных летательных аппаратов (БЛА), которые будут в режиме «камикадзе» выполнять поиск РЛС вероятного противника и уничтожать их при помощи боезаряда. Такой тактический прием под названием «рой пчел» американские специалисты отрабатывают на протяжении последних двух лет и предназначен он именно для борьбы с РЛС систем ПВО ВС РФ и НОАК [10].

Третье. Специалисты научно-исследовательских институтов Китайской аэрокосмической научно-промышленной корпорации (КАНПК) и Китайской корпорации электронных технологий (ККЭТ) осуществляют разработку аппаратуры, способной поставить помехи для РЛС AN/TPY-2 [11] (табл. 2).

Таблица 2

Предприятия ОПК КНР, участвующие в создании постановщиков помех для РЛС AN/TPY-2

Пункт проекта	Организация-исполнитель
Система оценки изменения оперативной обстановки	НИИ электротехники
Системы сверхмощных помех для РЛС метрового диапазона	38-й НИИ ККЭТ
Системы постановки помех для РЛС освещения обстановки	Научно-технический университет национальной обороны

Пункт проекта	Организация-исполнитель
Система маскировки радиообмена	Сианьский научно-технический университет электроники
Система моделирования противодействия РЭБ	Пекинский политехнический университет
Система борьбы с помехами для РЛС разведки	14-й НИИ ККЭТ
Система оценки электромагнитной обстановки в условиях применения сил и средств РЭБ	29-й НИИ ККЭТ
Система маскировки передачи данных от РЛС и передачи ложных помеховых сигналов	Испытательный центр электронного оборудования в г.Лоян
РЛС наблюдения для действий в сложной электромагнитной обстановке поля боя	2-й НИИ КАНПК
Системы постановки помех РЛС западного производства	в/ч 95899

Специалисты из Академии Военных Наук КНР, Университета национальной обороны КНР и Научно-технического университета национальной обороны КНР проводят математическое моделирование тактических приемов, которые позволят оперативно поставить на-

правленные помехи для РЛС американской системы ПРО «ТНААД» [12]. Китайские специалисты прорабатывают варианты «ослепления» РЛС АН/ТРУ-2, дислоцированной в РК, однако имеют место проблемы технического характера (табл. 3).

Таблица 3

Тактические приемы постановки помех и проблемы их реализации

№п/п	Замысел	Проблемы
1	Постановка направленных помех (электромагнитные волны высокой частоты) при помощи аппаратуры наземного центра РЭБ в районе г. Циндао	Отсутствует необходимое оборудование. Подобный вариант возможен при условии размещения РЛС АН/ТРУ-2 на высоте от 4000 до 7000 метров над уровнем моря
2	Постановка направленных помех при помощи самолетов РЭБ типа «Гаосинь 6» или «Гаосинь 10»	Отсутствует необходимое оборудование. Недостаточная производительность авиационных генераторов. Большая дальность полета самолетов РЭБ от места дислокации РЛС АН/ТРУ-2 (около 200 км от границы воздушного пространства РК до места дислокации батареи ПРО)
3	Постановка направленных помех при помощи аэростата с высоты 20000 метров и более.	Недостаточная мощность генераторов помех. По данным китайских источников, даже РЛС АН/МРQ-65 способна устойчиво функционировать при применении генератора помех мощностью 100 Ватт
4	Постановка направленных помех при помощи БЛА РЭБ WJ-500, WJ-600, WJ-600A/D	Решение задачи возможно только при сочетании действий нескольких аэростатов на высотах от 20 до 40 км и нескольких БЛА одновременно

Фактически перед специалистами ОПК КНР стоит задача создать генераторы и излучатели направленных

помех, которые позволят на расстоянии около 200 км и при любых метеоусловиях поставить помехи против

двухрежимной РЛС системы ПРО «ТНААД».

Следует отметить и подготовку в КНР средств доставки излучателей помех к границе РК. Турбовинтовой военнотранспортный самолет «Юнь-9», на базе которого планируется создание самолета РЭБ «Гаосинь-10», обладает тактико-техническими характеристиками, которые позволяют ему находиться в воздухе в течение восьми часов, а расположение авиабаз ВВС НОАК обеспечивает возможность быстрого полета в зону постановки помех [13].

Позиция Мун Чжэ Ина

Президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин пытается сохранить отношения как с США, так и с КНР, осуществляет поиск вариантов разрешения ситуации, том числе экономических проблем, спровоцированных развертыванием системы ПРО. Однако, очевидно наличие среди военно-политического руководства РК определенных сил, не согласных с миролюбивой внешней политикой Мун Чжэ

Ина, они прилагают значительные усилия для противодействия воли Президента. Так, в начале июня 2017 г. министр обороны РК Хань Мин Ко на встрече с министром обороны США Д.Мэттисом сообщил, что Мун Чжэ Ин не сможет изменить ситуацию и будет вынужден согласиться с размещением батареи [14].

В заключение подчеркнем, что Китай заинтересован в сохранении устоявшегося порядка в регионе, в котором РК предпринимала ранее меры только с целью обеспечения самозащиты. С учетом вышеизложенных фактов можно сделать следующий прогноз. Власти Поднебесной продолжают дипломатическое давление, официальный представитель МИД КНР сохраняет «предупредительную» риторику в выступлениях на тему южнокорейской ПРО. Соответствующие китайские государственные регуляторы могут усилить давление на корейский бизнес в КНР. Однако одновременно официальный Пекин ввел ограничения на торговлю с КНДР практически по всем пунктам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шэньду цзеши садэ ситун (Внимательно изучаем систему «ТНААД») [Электронный ресурс]. Sohu.com. Inc. URL: http://www.sohu.com/a/128208265_505803 (дата обращения: 10.06.2017).
2. Ханьго бушу садэ вэйшеньмэ хуэй иньци чжунго бу мань (Почему размещение батареи ПРО типа «ТНААД» может спровоцировать недовольство КНР) [Электронный ресурс]. SINA Corporation. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_a4683d580102x53e.html (дата обращения: 14.05.2017).
3. Ханьцзюнь шаоцзын чжэян вэй бушу садэ пяньху (Генерал-майор ВС РК оценивает размещение системы ПРО типа «ТНААД» следующим образом) [Электронный ресурс]. SINA Corporation. URL: <http://www.sina.com.cn/midpage/mobile/index.d.html?docID=fyewt8429333&url=mil.sina.cn/zgjq/2017-04-27/detail-ifyewt8429333.d.html> (дата обращения: 02.05.2017).
4. Садэ доу бу маньцзуб жибэнь эсинь доу яо гань ша (Система «ТНААД» не удовлетворяет требованиям и Япония предпринимает свои меры) [Электронный ресурс]. USCHINAPRESS. URL: <http://news.uschinapress.com/2017/0506/1104895.shtml> (дата обращения: 08.05.2017).
5. Hana Center Hosts Senator Dick Durbin's Briefing Following His Visit to South Korea [Электронный ресурс]. HANA CENTER. URL: <https://www.hanacenter.org/news-events/2017/6/09/hana-center-hosts-senator-dick-durbins-briefing-following-his-visit-to-south-korea> (дата обращения: 10.06.2017).
6. Лэтянь вэйхэ чжичи садэб бупа шицуй чжунго шичанма? (Разве корпорация «Лоттэ» не боится потерять китайский рынок за поддержку ПРО?) [Электронный ресурс]. Sohu.com. Inc. URL: <http://news.sohu.com/20170228/n481977004.shtml> (дата обращения: 30.04.2017).

7. Лэтянь цзай хуа гуаньби гобань (Корпорация «Лоттэ» закрыла больше половины своих магазинов) [Электронный ресурс]. WENXUECITY. URL: <http://www.wenxuecity.com/news/2017/03/08/6080750.html> (дата обращения: 08.05.2017).
8. Ханьго бушу садэ: Лэтянь/Саньсин/Элджи дэн цие хо чэн чжэнчжи сишэньпинь (Корпорации «Лоттэ», «Самсунг», «LG» стали жертвами политического решения о размещении ПРО в РК) [Электронный ресурс]. Sohu.com. Inc. URL: http://www.sohu.com/a/128285515_468595 (дата обращения: 10.04.2017).
9. Ханьго цзунтун дасюаньчжици чжунго цзай бохай шэ даодань (КНР проводит ракетные стрельбы даже во время президентских выборов в РК) [Электронный ресурс]. SINA Corporation. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/jssd/2017-05-11/doc-ifyfeius7803191.shtml> (дата обращения: 12.05.2017).
10. Фашэ дунфэн, бушу синьлэйдаб чжунго лянчу синьшоудуань фавньци садэ (В Китае стали известны методики борьбы с системой ПРО «ТНААД») [Электронный ресурс]. 360 Library. URL: http://www.360doc.com/content/17/0322/19/40167318_639249569.shtml (дата обращения: 30.04.2017).
11. Воцзюнь лянчу синь син фаньфушэ уци дуйкан садэ (В КНР военные специалисты разрабатывают новые средства борьбы с РЛС системы «ТНААД») [Электронный ресурс]. World Military. URL: http://www.armystar.com/wqzb/2017-03-07_50403_9.html (дата обращения: 05.05.2017).
12. Дуйфу Садэ цзефанцзюнь бу ши шошо эр и (У НОАК есть средства борьбы с «ТНААД») [Электронный ресурс]. SINA Corporation. URL: <http://www.sina.com.cn/midpage/mobile/index.d.html?docID=fycwymx3401615&url=mil.sina.cn/zgjq/2017-04-02/detail-ifycwymx3401615.d.html> (дата обращения: 10.05.2017).
13. Вэйлай цзефанцзюнь цюньфэн чжаньшу лин ди тоутэн (Перспективная тактика БЛА НОАК обеспечит противнику головную боль) [Электронный ресурс]. Sina Corporation. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/china/2017-03-12/doc-ifychavf2499424.shtml> (дата обращения: 07.06.2017).
14. И хуаньпин яньнуань садэ бушу, Ханьго ю хэ юни? (В чем смысл подогрева ситуации вокруг батареи «ТНААД» для Республики Корея?) [Электронный ресурс]. URL: <http://news.uschinapress.com/2017/0607/1108903.shtml> (дата обращения: 06.06.2017).

КЛАССИФИКАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Трифонова И.А.

*Кандидат политических наук.
Магистр международного права.*

Аннотация. В статье автор разбирается в понятии термина вооруженный конфликт. Рассматривает историю появления этого понятия и как оно трактуется в различных правовых источниках. Рассказывается о развитии представлений о национально-освободительных войнах, как вооруженных конфликтах международного и немеждународного характера.

Ключевые слова: Устав ООН, вооруженный конфликт международного характера, вооруженный конфликт немеждународного характера, вооруженный конфликт интернационализированный, Женевских конвенций 1949 года, Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 года, Дополнительном Протоколе II к Женевским конвенциям 1949 года.

Trifonova I.A.

*Candidate of Political Sciences.
Master of International Law.*

CLASSIFICATION OF ARMED CONFLICTS IN MODERN INTERNATIONAL LAW

Abstract. In the article the author analyzes the concept of the term armed conflict. He considers the history of the emergence of this concept and how it is treated in various legal sources. It is told about the development of ideas about national liberation wars, as armed conflicts of an international and non-international character.

Keywords: UN Charter, international armed conflict, non-international armed conflict, internationalized armed conflict, the 1949 Geneva Conventions, the Additional Protocol to the Geneva Conventions of 1949, Additional Protocol II to the 1949 Geneva Conventions.

В начале XX века применение термина «война» был преобладающим, и его содержание охватывало вооруженное столкновение между государствами, но уже во второй половине XX века происходит отказ от конкретно-правового термина «война» в пользу категории «вооруженный конфликт», так как признание состояния вооруженного конфликта не предполагает обязательного извещения о начале военных действий. Поэтому в современном мире «война» стало скорее не правовой, а политико-правовой категорией.

Впервые «Международный вооруженный конфликт» как юридическое понятие появилось в ст. 2 Женевских конвенций о защите жертв войны, 1949 года.

Статья 2, общая для всех четырех Женевских конвенций 1949 года устанавли-

вает, что международный вооруженный конфликт — это вооруженное столкновение, возникающее «между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами». Участниками вооруженного конфликта международного характера являются суверенные государства, борющиеся за свободу и независимость народы и нации, международные организации, осуществляющие коллективные вооруженные меры по поддержанию мира и международного правопорядка, а также вооруженные силы ООН, применяются для урегулирования конфликта по решению Совета Безопасности ООН.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Про-

токол I) от 8 июня 1977 года, расширил понятие «вооруженный конфликт», «в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН».

Согласно словарю международного права, вооруженный конфликт международного характера (война) — представляет собой вооруженное противостояние между:

- а) вооруженными силами двух или нескольких суверенных государств;
- б) армиями национально-освободительного движения (отрядами сопротивления, повстанцев) и вооруженными силами иностранного государства (метрополии);
- в) вооруженными силами оккупирующей державы и государства, подвергшегося иностранной оккупации, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления;
- г) вооруженными силами воюющей стороны и вооруженными силами какого-либо государства (п. 4 ст. 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г., касающиеся защиты жертв международных конфликтов 1977 г. (Протокол I)). К вооруженным конфликтам международного характера следует также относить вмешательство во внутренний вооруженный конфликт третьего государства в интересах одной из воюющих сторон или участие вооруженных сил ООН или другой международной организации во внутреннем вооруженном конфликте. Стороны в процессе вооруженного конфликта международного характера обязаны соблюдать принципы

и нормы международного гуманитарного права, касающиеся ограничения воюющих в выборе методов и средств ведения войны, защиты ее жертв, гражданских объектов, природной среды, и другой нормы гуманитарного характера [1].

Международный Комитет Красного Креста дал свое определение понятия «международный вооруженный конфликт», это «любое противоречие, возникающее между двумя государствами и ведущее к вторжению вооруженных сил, даже если одна из сторон отрицает состояние войны. Продолжительность конфликта и количество жертв не имеют значения»[2].

В книге «Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия» [3] Арцибасова И.Н., Егорова С.А. международный вооруженный конфликт определен, как общественные отношения, складывающиеся между субъектами международного права в период, когда одна сторона применяет вооруженную силу против другой. Это понятие собирательное, и оно включает в себя все виды вооруженных столкновений между субъектами международного права, являющимися правоспособными и дееспособными в области права вооруженных конфликтов.

Национально-освободительные войны рассматриваются как отдельный вид вооруженных конфликтов международного характера. Развитие представлений о национально-освободительных войнах как вооруженных конфликтах международного характера проходило в несколько этапов.

Первый — закрепление права на самоопределение в уставе ООН и формальное наделение наций и народов, борющихся за самоопределение международной правосубъектностью.

Второй — признание применимости Женевских конвенций о защите жертв

войны 1949 года к национально-освободительным войнам.

Третий — закрепление резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН за национально-освободительными войнами характера международных вооруженных конфликтов.

Четвертый — принятие I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов международного характера в 1977 году (Протокол I). В п. 4 ст. 1 Протокола I указано, что в дополнение к ситуациям, указанным в ст. 2, общей для Женевских конвенций 1949 года, к которым применяется Протокол I, относятся «вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе ООН и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН». Таким образом, применение Протокола I распространялось на национально-освободительную борьбу и борьбу за самоопределение, как они определены в Декларации о дружественных отношениях, но только в той мере, где говорится о борьбе против колониального господства и иностранной оккупации, и против расистских режимов.

К вооруженным конфликтам международного характера относят любые случаи вооруженного противостояния между государствами.

В современном мире внутренние вооруженные конфликты вытеснили международные, и их урегулирование стало новым испытанием для мирового сообщества в XXI веке.

Самыми распространенными конфликтами в XXI веке стали локальные войны, порождаемые межэтническими

противоречиями, а также террористическими группировками, борющиеся с правительством.

К 2016 году в мире насчитано не меньше 45 внутренних вооруженных конфликтов, некоторые из которых начались еще в середине прошлого века [4], все они идут на территориях одного государства. Эти конфликты в международном праве получили наименование вооруженные конфликты немеждународного характера.

Понятие «вооруженный конфликт немеждународного характера» впервые было определено в ст. 3, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 года. Развернутого и детального определения вооруженного конфликта немеждународного характера эта статья не содержит. В статье говорится, если в случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять как минимум следующие положения, гуманитарного характера, которые определены в статье 3 Женевских конвенций 1949 года.

Вооруженный конфликт немеждународного характера, «происходящий на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол», записано в Дополнительном Протоколе II (Протокол II) к Женевским конвенциям 1949 года в п. 1 ст. 1[5].

Согласно словарю международного права, вооруженный конфликт немеждународного характера — это вооруженное столкновение, происходящее на террито-

рии какого-либо государства между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью территории этого государства, который позволяет им вести непрерывные и согласованные военные действия и применять Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, 1977 года. (Протокол II)[6].

В научной литературе по международному праву еще не выработана единая позиция по определению вооруженного конфликта немеждународного характера.

Блищенко И.П., Егоров С.А., Арцибасов И.Н., Мбатна М. высказываются о немеждународном вооруженном конфликте как о синониме к термину «гражданская война»[7]. Это тоже утверждает П. Верри[8], считая немеждународный вооруженный конфликт синонимом гражданской войны, который характеризуется враждебным столкновением вооруженных сил и государства с вооруженными силами сепаратистов или повстанцев.

Э. Монтеалегре, говоря о внутреннем вооруженном конфликте, как о «вооруженном конфликте, не носящем международного характера», где используется коллективная сила во внутренних ситуациях, а сталкивающиеся в такой ситуации стороны представлены вооруженными группами, не имеющими статуса воюющей стороны[9], рассматривал ситуацию вооруженного столкновения противоборствующих сторон на территории суверенного государства, когда законная власть не в состоянии вмешаться в такой конфликт, имея для этого свои различные причины. По мнению некоторых ученых такая ситуация, не подпадает под нормы, регулирующие внутренний вооруженный конфликт.

Ч. Хайд, пишет о внутреннем вооруженном конфликте, используя такие термины, как «мятеж» и «восстание», считая, что это впоследствии может привести к вооруженным конфликтам немеждународного характера. По его мнению, когда народ с оружием в руках восстает против законов или правительства — это мятеж. Восстание — это более широкомасштабный мятеж, когда происходят военные действия между законным правительством страны и отдельными частями или провинциями этой страны, пытаясь установить свою власть, образуя собственное правительство[10].

Э. Давид считает, что различие между ситуациями немеждународного вооруженного конфликта и ситуациями внутренних беспорядков — это юридическая реальность, даже если неизвестно точно, где проходит черта между ними. Критерий открытых и коллективных военных действий между вооруженными группами, это то, что одни расценят как вооруженный конфликт, а другие — внутренними беспорядками, и наоборот. Завышая или занижая оценку происходящего, которую дают действующие лица этим ситуациям, позволяет судить о преследуемых ими политических целях. Ссылаясь на существование «войны», оправдывали жесточайшие репрессии, жертвами которых становились оппозиционные движения. Или проведение колониальных войн квалифицировались теми, кто их вел, как операции по поддержанию порядка или восстановлению мира»[11].

Т. Финдлей в своей статье[12] отмечает, что в разработанной ООН Программе мирного развития, нет четкого разграничения между понятиями «конфликт», под которым подразумевался спор между сторонами, и «вооруженный конфликт».

У Д. Шиндлера нет обобщающего определения немеждународного вооруженного конфликта, но выделяет те

виды, которые, по его мнению, признает современное международное право[13]:

- 1) гражданская война в классическом смысле международного права — как немеждународный вооруженный конфликт высокой интенсивности, в котором за повстанцами третьи государства могут признать статус воюющей стороны;
- 2) немеждународный вооруженный конфликт по ст. 3, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года;
- 3) немеждународный вооруженный конфликт, зафиксированный в Протоколе II.

В ст. 3 общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года нет четкого определения немеждународного вооруженного конфликта. В ней только прописано, что «в случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять, как минимум, следующие положения...». По выражению М. Торелли, ст. 3, получилась мини-конвенцией, устанавливающей некоторые критерии для определения немеждународных конфликтов.

Согласно первому критерию, должно происходить вооруженное противостояние между правительством и оппозицией. Если нет вооруженного столкновения, то этот конфликт не регулируется международным гуманитарным правом.

Второй критерий связан с термином «конфликт, не носящий международного характера», то есть в нем не участвуют другие субъекты международного права и вооруженный конфликт является внутренним.

Третий критерий означает, что конфликт, возникший на территории одной из договаривающихся сторон, и не имеющий международного характера, будет

относиться к разряду внутренних конфликтов между правительством и какой-либо организованной оппозицией в пределах территории одного государства.

Многие исследователи, рассматривая ст. 1 Протокола II, где отражено, чтобы повстанцы создали «такой контроль над частью... территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол», приходят к выводу, что в действующем праве вооруженных конфликтов различают два типа внутригосударственных вооруженных конфликтов — это немеждународный вооруженный конфликт высокой интенсивности, к которому одновременно применимы общая ст. 3 и Протокол II, и другие внутренние вооруженные столкновения, к которым применяется только ст. 3[14].

Исходя из практики, государства не стремятся признавать наличие вооруженного конфликта немеждународного характера, поскольку в этом случае их действия будут ограничены нормами международного гуманитарного права, кроме того, такое признание оказывает влияние на статус повстанцев[15]. Имея свою организацию, создавая во главе ответственные органы, устанавливая свою власть в части территории, соблюдая в своих действиях «законы и обычаи войны» повстанцы признаются «воюющей стороной». Это исключает применение к повстанцам национального уголовного законодательства об ответственности за массовые беспорядки и распространяется на них статус военнопленных, захваченных в плен. Повстанцы могут вступать в правоотношения с третьими государствами и международными организациями, получая от них помощь, допускаемую международным правом. И этот вооруженный конфликт сразу приобретает другое качество и становится международным, ведя к признанию территории, контролируемой по-

встанцами, в качестве нового государства.

При этом в ст. 3, общая для Женевских конвенций, закреплено правило, в соответствии с которым применение режима немеждународного вооруженного конфликта не затрагивает юридического статуса находящихся в конфликте сторон, а в ст. 3 Дополнительного Протокола II[16] говорится: «ничто в настоящем Протоколе не должно истолковываться как затрагивающее суверенитет государства или обязанность правительства всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве или защищать национальное единство и территориальную целостность государства».

В конце XX — начала XXI века в международном праве появилось новое понятие «вооруженный конфликт интернационализированный».

В современных исследованиях термином «интернационализированный вооруженный конфликт» обозначаются военные действия внутри страны, которые принимают характер международных, то есть когда между двумя внутренними группировками, каждую из которых поддерживают разные государства. Также могут быть прямые военные действия между двумя иностранными государствами, осуществляющими военное вмешательство во внутренний вооруженный конфликт в поддержку противостоящих друг другу сторон. Или может происходить иностранное вмешательство в поддержку повстанческой группировки, воюющей против существующего правительства[17].

Согласно словарю международного права, вооруженный конфликт интернационализированный — вооруженный конфликт немеждународного характера, в котором на стороне одной или нескольких сторон конфликта участвуют иностранные войска или направленные иностранным государством или от его имени вооруженные иррегулярные

формирования или наемники. Обстоятельства возникновения ситуации вооруженного конфликта интернационализированного многочисленны, разнообразны и не имеют международно-правовой квалификации. К таким конфликтам, в частности, можно отнести: длящийся между внутренними группировками вооруженный конфликт, в который вмешались иностранные государства на стороне разных группировок; военные действия, возникающие между иностранными государствами, осуществившими вмешательство во внутренний вооруженный конфликт в поддержку разных противоборствующих сторон; вооруженный конфликт с иностранным вмешательством в поддержку повстанческой группировки, борющейся с существующим правительством[18].

В современных реалиях во внутренних вооруженных конфликтах отмечается разная форма участия иностранного государства, из-за слияния факторов международной и внутренней политики вмешательство третьих стран в гражданские войны остается постоянно действующим фактором.

При интернационализации конфликта следует учитывать:

во-первых, степень вмешательства, чтобы имел место международный конфликт между вмешивающимся государством и стороной, против которой направлено это вмешательство;

во-вторых, придает ли иностранное вмешательство международный характер всему конфликту или только конфликтным отношениям между вмешивающимся третьим государством и стороной, против которой направлено его вмешательство. Считается, что такое вмешательство как предоставление значительной финансовой помощи, не приводит к интернационализации конфликта.

Юридическая сложность оценки вовлеченности третьих государств во вну-

тренний конфликт связана, с разным объемом запретов на оказание помощи повстанцам и правительству.

Возникают проблемы применения норм права в интернационализированных конфликтах. Ни Гаагские 1907 года, ни Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 года не содержат каких-либо специальных положений относительно таких конфликтов. Это явление осталось без внимания и в Дополнительных протоколах 1977 года к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года.

Вследствие этого, правовая квалификация таких вооруженных конфликтов вынуждена основываться главным образом на практике государств и доктрине международного права.

Международный правопорядок, основанный на сформулированном в Уставе ООН принципе неприменения силы, не в полной мере соответствует современным реалиям, в которых происходит

явное преобладание вооруженных конфликтов немеждународного характера над международными.

В п. 4 ст. 2 Устава ООН запрещается применение силы или угрозы силой только в «международных отношениях» и отсутствует норма, запрещающая гражданские войны. Единственная функция, выполняемая в таких случаях международным правом, отмечена в Декларации ООН о принципах международного права 1970 года, что «ни одно государство не должно... вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве».

Тенденцией последних лет является появление смешанных вооруженных конфликтов, которые имеют черты международного вооруженного конфликта и немеждународного вооруженного конфликта и как отмечает Толстых В.Л.[19], имеют разные точки зрения международных юристов:

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словарь международного права. М: Статут, 2014. С.48.
2. Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1977 к Женевским конвенциям от 12 августа. 1949, касающийся защиты жертв вооружен. конфликтов не международного характера: пер. с англ. Клод Пейте и др .. — 2. вид., Стереотип. М.: Международный комитет Красного Креста, 2000. С.34.
3. Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. С. 34.
4. Идущие войны на начало 2015 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.warconflict.ru/rus/nowwars/?action=shwprd&id=1135> (дата обращения: 30.06.2015)
5. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера.
6. Словарь международного права. М: Статут, 2014. С.48.
7. Остроухов Н.В. Некоторые особенности вооруженного конфликта немеждународного характера. Современное право № 10, 2009. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/> (дата обращения: 30.06.2015)
8. Schindler D. IHL and internationalized armed conflicts//IRRC. N 230. 1982. P. 261.
9. Фернандеш де Кастро А.Г. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов // Московский журнал международного права. 2000. № 1. С.93.
10. Хайд Ч. Международное право (его понимание и применение Соединенными Штатами Америки). — М., 1953. Т. 5. С. 31.
11. Давид Э. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. С. 316-321.

12. Финдлей Т. Многосторонние действия по предотвращению и разрешению конфликтов, а также контролю над ними // Международная безопасность и разоружение. Ежегодник СИПРИ 1994. М., 1994. С. 41.
13. Shindler D. The different types of armed conflicts according to the Geneva Conventions and Protocols, in «Recueil des Cours», 1979-II.
14. Международное право, учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров М.: Статут, 2014. С. 1032.
15. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. М.: ВолтерсКлувер, 2009. С. 768
16. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II) (Женева, 8 июня 1977 года) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml> (дата обращения: 25.06.2015)
17. Стюарт Джеймс Г. К единому определению вооруженного конфликта в международном гуманитарном праве: анализ интернационализированного вооруженного конфликта. // Международный Журнал Красного Креста: Сборник Статей, 2003. с. 131.
18. Словарь международного права. М: Статут, 2014, С.46.
19. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. М.: ВолтерсКлувер, 2009. С. 769-772.
20. Международное право, учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров М.: Статут, 2014. С. 1028.
21. Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право: Дис. ... д-ра юрид. наук — М., 1999. С. 147-148.
22. Северинчик Ю.В. Международно-правовые проблемы вооруженных конфликтов немеждународного характера: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук — М., 2000. С.4.
23. Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право: Дис. ... д-ра юрид. наук — М., 1999. С. 42.
24. То есть претендующая на представление государственной власти и соблюдающая нормы данной конвенции.
25. Рьльская М.А. Особенности научно-практической идентификации понятия «внутренний вооруженный конфликт» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.voennoepravo.ru/magazinepravo>(дата обращения: 30.06.2015)

ИМИДЖ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И В.В. ПУТИНА В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИРИИ (2015–2017 ГГ.)

Озмяян М.С.

Аспирант кафедры «Политология, история и социальные технологии»
Российского Университета Транспорта (МИИТ).
e-mail: mid67674@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматривается формирование имиджа Российского государства в общественно-политическом сознании граждан России и зарубежных стран в период сирийского кризиса. Автор анализирует особенности восприятия имиджа Российской Федерации и ее политического лидера социумом, опираясь на результаты социологических исследований.

Ключевые слова: международный имидж, политический лидер, сирийский кризис, масс-медиа.

M.S. Ozmanyanyan.

Postgraduate student of the Department "Political Science, History and Social Technologies"
of the Russian University of Transport (MIIT).
e-mail: mid67674@gmail.com.

THE IMAGE OF THE RUSSIAN STATE AND VLADIMIR PUTIN IN THE CONTEXT OF THE CIVIL WAR IN SYRIA (2015 — 2017).

Abstract. The article discusses the formation of Russian state's image in socio-political consciousness of citizens of Russia and foreign countries during the period of the Syrian crisis. The author analyzes the peculiarities of social perception of the image of Russian Federation and its political leader basing on the results of sociological research.

Key words: international image, the political leader, Syrian crisis, mass-media.

Имидж государства является важным феноменом личностного восприятия и общественно-политического сознания. Имидж страны необходимо рассматривать как ценность национального и международного значения. Позитивное восприятие государства на международной арене является залогом успеха масштабных политических и экономических преобразований, проводимых в стране как части мирового пространства [1]. Субъектами формирования имиджа государства у различных групп населения (социальных, этнических, конфессиональных и т.д.) являются органы власти и управления, специализирующиеся в этой деятельности организации, фирмы, пресс-службы и т.п.

Что представляет собой имидж государства? Э.А. Галумов рассматривает

его как национальную ценность международного значения, существующую в определенном пространстве и времени. «Имидж страны — комплекс объективно взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, демографических и т.д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических, национально-конфессиональных и иных процессов в стране» [2].

Эксперты полагают, что групповое восприятие имиджа страны ее гражданами формируется за счет того, что «говорит» и что «делает» власть, а это зна-

чит, что государства неустанно следят за своим имиджем. В то же время, формирование имиджа страны за рубежом основывается на успешности проведения внешней и внутренней политики страны, особенностях ментальности социума и др.

В настоящее время проблема формирования положительного имиджа РФ является актуальной. По мнению многих исследователей, сегодняшний имидж России в мире весьма противоречив. «В мире немало людей и организаций, с большой симпатией наблюдающих за выходом нашей страны из кризиса, ростом её влияния на международные дела. Не меньше и тех, кто смотрит на неё подозрительно, ...отвергая...взаимовыгодные проекты потому, что они исходят от России». [3]

Проблема заключается и в том, что ни в нашей стране, ни в мире не сложился целостный имидж сегодняшней России, и все суждения о ней весьма размыты, противоречивы и плохо оформлены.

Слагаемыми имиджа РФ в первую очередь являются имиджевые характеристики народа и власти, культуры, состояния экологии и природных ресурсов, безопасности, экономики, уровня развития демократии, информационной политики.

Согласно проводившимся в России социологическим исследованиям, в 2010 г. в российском обществе складывалось негативное отношение к имиджу своей страны, ко всем вышеперечисленным его составляющим. Кризисная обстановка в стране, постоянно освещаемая в искаженном виде западными СМИ (а временами и отечественными медиа), формировали негативные представления о России и у ее граждан.

На имидж страны серьезное влияние оказывает и имидж ее национального политического лидера. Формирование его позитивного имиджа в основном зависит от следующих показателей: знание и понимание настроений, требований и установок своих последователей и умение

показать, что данный политик — тот, кто целиком отвечает нуждам целевой аудитории. Одна из самых эффективных стратегий для завоевания доверия людей — продемонстрировать, что лидер похож на них, что у него схожие с ними заботы и проблемы, что он — «один из них».

Базовой характеристикой имиджа политического лидера служит его целостность, внутренняя непротиворечивость. Наряду с этим образ может включать как достоинства, так и отдельные недостатки лидера. Лишь целостный имидж вызывает доверие. Имидж политика выступает как стиль и форма его поведения в социуме.

Во время президентства В.В. Путина имидж России существенно улучшился и возрос как в глазах россиян, так и в глазах международного социума. Конструирование имиджа В.В. Путина относится к психологическому феномену восприятия, описанному Г. Уэллсом в 1907 г. и названному Э. Торндайком эффектом «ореола» — продвижением какого-либо одного определенного качества, «окрашивание» им всех остальных. В свое время в обществе сложился стереотип восприятия Путина как решительного, сильного человека, защитника, борца с терроризмом и преступностью. Успех, охватывающий эти ключевые составляющие имиджа В.В. Путина, автоматически переносится на иные сферы его деятельности. Большинство россиян не сомневается в успешности и компетентности В.В. Путина абсолютно во всех сферах деятельности: в экономике, политике, социальной сфере и др. Причиной тому стало «силовое» прошлое политика: работа в спецслужбах позиционируется обществом как ключ к наиболее адекватному осмыслению лидером ситуации, расстановки сил в стране и мире.

В основном В.В. Путин воспринимается как человек «приятный», «интеллигентный», однако некоторых людей настораживает его скрытность. Наряду

с этим все внешние характеристики Путина истолковывались респондентами-сторонниками как характеристики сильного мужчины, разведчика и носили ярко выраженную «силовую окраску». В данной связи можно упомянуть феномен подобия и контраста, согласно которому все достижения, произошедшие в стране в определенный период, связываются с личностью лидера, однако с ним же связываются и все провалы, даже те, которые не имеют к политике прямого отношения.

В марте 2015 г. исследовательский холдинг «Ромир» совместно с Центром ситуационных исследований ИСПИ РАН провели общероссийский опрос населения на тему доверия различным социальным институтам. Последнее аналогичное исследование проводилось

в ноябре 2013 г., потому его результаты показывают, как видоизменились оценки и настроения граждан за прошедшие полтора года. Анализ показал, что россияне в основном упрочили свое доверие ключевым политическим и общественным институтам. Более трёх четвертей опрошенных высказали доверие президенту, армии и православной церкви, что на 11–16% выше аналогичных показателей 2013 г. [4].

Особенностью российской культуры, менталитета является отношение к власти как к данности свыше. У российского социума всегда имелись определённые ожидания по отношению к власти (справедливость, решительная борьба с казнокрадством, упрочение могущества России и реализация её предназначения в мире).

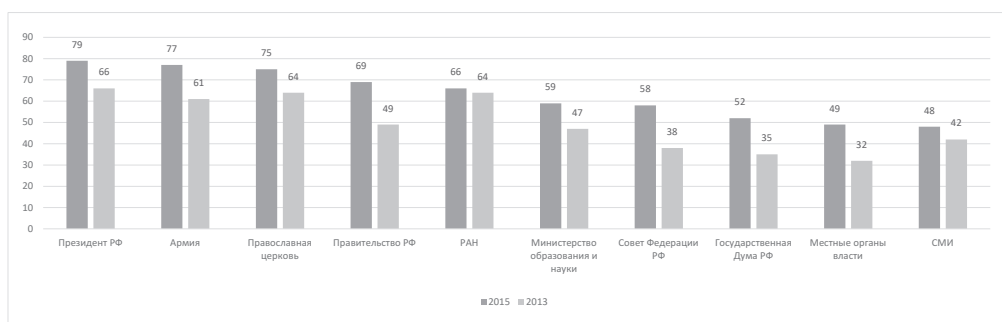

График 1. Динамика доверия социальным институтам (%) / «Ромир», ИСПИ РАН, март 2015

Нельзя не отметить, что с 2013 г. ощутимо поднялись в рейтинге доверия россиян такие институты, как правительство РФ (+20%), Совет Федерации (+20%) и Государственная Дума Федерального Собрания РФ (+17%) (см. график 1). Можно заключить, что такие события последнего времени, как успехи на Олимпиаде в Сочи, возвращение Крыма, санкции против России, экономический кризис — все это сплотило нацию, возрождая в ней патриотизм.

Президент холдинга «Ромир» и директор Центра ситуационных исследований ИСПИ РАН А.В. Милехин истолковывает итоги опроса «нереали-

зованным чувством гордости россиян, потребностью в ценностях и целях. Россияне увидели позицию власти и щедро ответили на это «нерастраченным кредитом доверия» [4].

Не столь однозначно воспринимается имидж России в иностранных государствах. По данным опроса (август 2015 г.), проведённого исследовательским центром Pew [5], ни Россия, ни её президент не пользовались особым авторитетом или поддержкой за рубежом. В среднем лишь 30% иностранных респондентов относились к России позитивно, а в 26 странах превалировало негативное отношение к РФ.

Негативно в адрес России высказывались в Польше и Иордании (в обоих случаях по 80%) (см. график 2). В случае с Польшей подобное восприятие есть результат долгих напряжённых взаимоотношений между двумя странами. Антироссийские настроения были проявлены также в Израиле (74%), Японии (73%), Германии (70%), Франции (70%) и России (70%).

Самый высокий уровень поддержки России зарегистрирован во Вьетнаме

(75%). А других стран, в которых РФ позитивно воспринимают более половины опрошенного населения, всего две — это Гана (56%) и Китай (51%). В некоторых странах большинство опрошенного населения не имеют конкретного мнения о России (в частности, более половины граждан Эфиопии и около 1/3 респондентов в Пакистане, Индии, Сенегале, Аргентине и Перу).

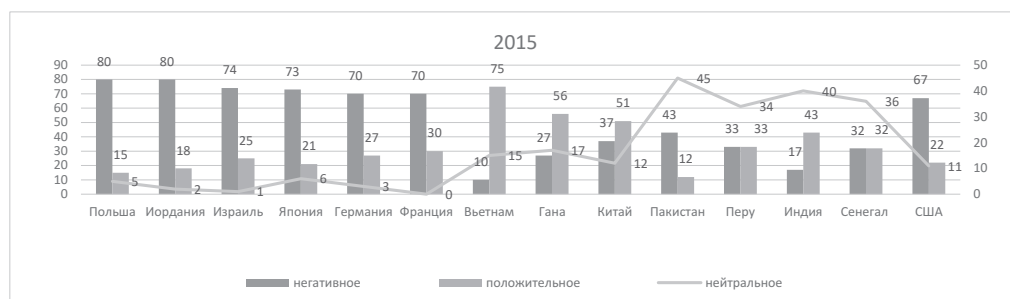

График 2. Как в мире относятся к Путину и России (%) / PewResearchGlobal, август 2015

Тем не менее, судя по последним социологическим опросам от Pew за 2017 г., имидж России за рубежом сейчас нельзя оценивать как однозначно негативный. В августе социологическая компания PewResearchGlobal [6] опубликовала данные опроса сразу в нескольких десятках стран об отношении к России и политике ее президента (опрошено 40 951 человек в 37 странах).

В итоге, меньше всего положительных чувств к России у Европы и США, не лучше настроено население Ближнего Востока: Турция, Израиль. Лучшее по отно-

шению к РФ настроены Вьетнам, Индия, Перу (см. график 3), не отстают и страны Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона. Украина и страны Балтии в опросе не участвовали, как и иные республики постсоветского пространства.

Как не удивительно, но в США Россию в качестве угрозы собственной стране рассматривают только 47% граждан, несмотря на крупный скандал, связанный с «русскими хакерами» и сообщения о том, что команда американского президента Д. Трампа «зависела» от Кремля.

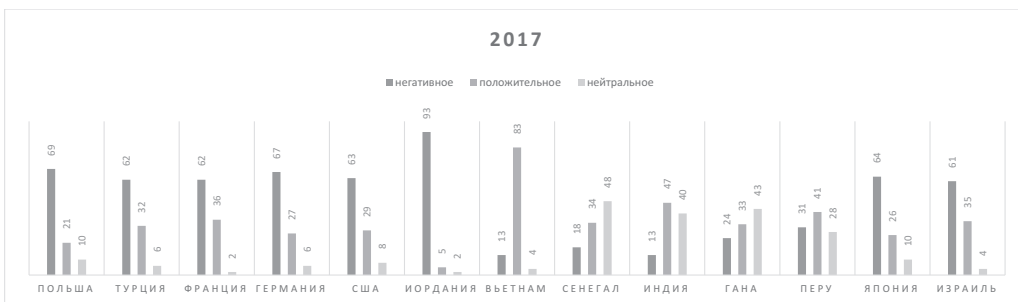

График 3. Как в мире относятся к Путину и России (%) / PewResearchGlobal, август 2017

Сравнив два социальных опроса за 2015 и 2017 гг., можно увидеть формирование тенденции роста негативного отношения населения Иордании к России (см. график 4). На общественное мнение

в Иордании, скорее всего, повлияло то, что Кремль поддерживает президента Сирии, откуда в эту страну иммигрировали сотни тысяч беженцев.

График 4. Рост негативного отношения Иордании к России (%) / PewResearchGlobal, 2012–2017

На имидж России и ее национального лидера серьезное влияние оказывает освещение вовлеченности РФ в сирийский внутригосударственный конфликт. Вооруженные Силы РФ начали операцию в Сирии в конце августа 2015 г. по просьбе правительства этой страны. Во время операции были освобождены два стратегически важных города — Пальмира и Алеппо. В апреле 2017 г. заместитель начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил РФ генерал-полковник С.Ф. Рудской сообщил, что РФ вывела с авиабазы Хмеймим в Сирии половину авиационной группировки благодаря тому, что количество террористических формирований в этой стране заметно сократилось.

Взятие Алеппо российские власти весьма рационально использовали для поддержания имиджа РФ как великой военной державы, прежде всего, в глазах россиян. Однако в глазах мирового сообщества имидж России стал более негативным, полагают отдельные эксперты. Это, в частности, связано с неподтвержденной информацией американских масс-медиа об участии российской военной авиации в атаках на гуманитарный конвой близ Алеппо в ночь с 19 на 20 сентября 2016 г., повлекших жертвы среди мирного населения, а также с взятием в декабре 2016 г.

силами Исламского государства (или ИГИЛ, запрещенного в РФ) Пальмиры, что позволило главе Пентагона Э. Картеру высказаться о «нулевом вкладе России в борьбу с ИГИЛ». По мнению руководителя Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН А.И. Шумилина, отношение населения ряда ближневосточных стран к России к 2017 г. ухудшилось по вине ее политического руководства: «Кремль сделал ставку на Иран и партнеров, в основном это шиитские меньшинства в Ираке, Ливане, Сирии, Йемене — всего около 15% против суннитского большинства. Позиция эта заведомо проигрышная... и образ России в регионе от этого только страдает» [7]. Вместе с тем весьма вероятная победа над ИГИЛ (запрещено в РФ) в Сирии силами сирийской армии при содействии Воздушно-космических сил РФ позволит кардинально изменить имидж президента Б. Асада и России в целом, показав миру, кто в действительности является борцом с международным терроризмом. Вклад в улучшение имиджа России и сирийского правительства внесло бы и сотрудничество с наступающими на ИГИЛ с севера действующими под руководством курдского правительства в Камышлы силами Демократической Сирии.

Подход Москвы к освещению гражданской войны в Сирии заключается в использовании преимущественно немаркетинговых способов коммуникации с ключевыми аудиториями. Данный подход сформулировал пресс-секретарь Президента РФ Д.Н. Песков: «Говорят, у России сейчас плохой имидж в мире. А вы знаете, у кого сейчас тоже плохой имидж в мире? У США. Сейчас мы находимся в состоянии информационной войны... с англосаксами, их СМИ. В таких условиях заниматься имиджевыми делами вряд ли целесообразно, речь идет о пропаганде и контрпропаганде в хорошем смысле этого слова» [8]. Однако использование в основном пропаганды и контрпропаганды имеет и явные из-

держки, выражающиеся в снижении имиджа России, серьезном неодобрении внешней политики В.В. Путина населением зарубежных стран. В этой связи представляется целесообразным снизить использование пропаганды, применяемой при формировании имиджа Российского государства, и больше опираться на маркетинговые методы коммуникации, политику информирования и открытости, готовности к диалогу. Распространение в медийном пространстве достоверной информации без искажений или недомолвок позволило бы выстроить доверительные отношения с российской и зарубежными аудиториями, ключевыми спикерами, и, тем самым, улучшить имидж РФ и ее лидера.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Адамовски Я., Бараньски М., Анохин М.Г., Богомолов Б.А., Василенко И.А., Воротников В.П., Горбунов А.А., Демчук А.Л., Омаров М.А., Онофрийчук Ю.Н., Павлов И.В., Пролубников А.В., Сельцер Д.Г., Семченков А.С. Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве: «круглый стол» российских и польских ученых // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2005. № 2. С. 3-110.
2. Галумов Э. Международный имидж России: стратегия формирования. М., 2003. 446 с.
3. Алексеева Т. Россия в пространстве глобального восприятия // Журнал «Международные процессы». Том 13, № 1 (40). Январь-март 2015. с. 1.
4. Доверие на патриотизме // ResearchRethinkReactИсследовательский холдинг Ромир [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://romir.ru/studies/664_1430254800/
5. Stokes B. Russia, Putin Held in Low Regard around the World, Russia's Image Trails U.S. across All Regions // Pew Research Center. August 5, 2015. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/08/05/russia-putin-held-in-low-regard-around-the-world>
6. Publics Worldwide Unfavorable Toward Putin, Russia // Pew Research Global. August 16, 2017. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/08/16/publics-worldwide-unfavorable-toward-putin-russia/>
7. Политику России в мире не одобряют, но и серьезной угрозой ее не считают // ВЕДОМОСТИ. 2017, 16 августа. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/16/729801-politiku-rossii>
8. Сидоркова И., Басисини А. Полгода после штурма: что дало России взятие Алеппо // РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/14/06/2017/59414ccb9a794775c2fe3905>

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ В США: ВОПРОСЫ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О.Г. Карпович,

*д.ю.н., д.полит.н., профессор, Российская таможенная академия
ogk@customs-academy.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы безопасности на транспорте в США.

Ключевые слова: Безопасность, транспорт, пассажиры, аэропорт, рейс, государство, финансы.

OlegKarpovich,

*Doctor-at-Law, Doctor of Political Science, professor, RussianCustomsAcademy
ogk@customs-academy.ru*

COUNTER-TERRORISM IN THE UNITED STATES: ISSUES OF TRANSPORT SECURITY

Abstract. In the present article there is an analysis of transport security in the USA.

Key words: Security, transport, passengers, airport, flight, state, finance.

В понятие транспортной безопасности входит целый комплекс мероприятий. На последнем рубеже антитеррористической защищенности находятся службы авиационной безопасности аэропорта. Проблема безопасности полетов на воздушном транспорте впервые заявила о себе к началу 1950-х гг. именно в США.

Хотя прецеденты с захватом самолетов и пассажиров были зафиксированы еще за несколько десятилетий до первых правил безопасности, официально первым угоном пассажирского самолета считается захват лайнера в 1931 г. в Перу. Второй случай, уже с человеческими жертвами, был зарегистрирован в 1948 г. Тогда четыре гражданина Китая захватили самолет OA-10 Catalina, выполнявший рейс Гонконг — Макао. Угонщики убили пилотов, и самолет с 26 пассажирами на борту разбился.

Первым прототипом современной системы авиационной безопасности стали Единые правила пассажирских авиали-

ний США 1962 г. В аэропортах появились приборы, просвечивающие багаж, металлоискатели, собаки, натасканные на поиск взрывчатки, и многое другое [1].

Стало запрещено провозить в ручной клади режущие и колющие предметы. В случае срабатывания металлоискателя власти стали допускать ручной обыск пассажира. Перед вылетом авиакомпании проводят двойной контроль ручной клади. Весь багаж просвечивают на специальном оборудовании. Во время полета авиакомпании требуют от пилотов постоянно держать дверь в кабину плотно закрытой. Аналогичные меры безопасности буквально за несколько лет распространились на все международные авиакомпании.

XXIV. продиктовал новые условия для обеспечения безопасности. Речь идет о шумовом оружии пилотов, биометрических системах идентификации личности или же детекторах взрывчатых веществ для проверки багажа.

После террористических атак 2001 г. в США радикально изменились схемы обеспечения безопасности пассажиров, пользующихся воздушным транспортом.

Однако мониторинг, проведенный службой маршалов США в 2014 г., показал, что системы и структуры безопасности 42 % аэропортов оставляют желать лучшего. В настоящее время в США функционируют 429 коммерческих аэропортов, службы безопасности лишь немногих из них способны предотвратить теракт.

12 сентября 2003 г., 20-летний американский студент Натаниэль Хитвол намеренно пронес через контрольно-пропускной пункт аэропорта Роли-Дарем в штате Северная Каролина ножи для резки картона (аналогичные тем, которые использовали угонщики 11 сентября 2001 г.), спички и отбеливатель в тубиках из-под тонального крема. Он пронес в пакете эти предметы на борт самолета авиакомпании Southwest Airlines и оставил его в одной из уборных. Успешно выполнив эту «миссию», Хитвол повторил то же самое трое суток спустя в международном аэропорту Балтимор/Вашингтон. После этого Хитвол послал письмо в ФБР, где рассказал обо всем, что сделал, и о том, где можно найти спрятанные пакеты. Он подписался собственным именем и оставил контактный номер телефона. Журнал American Daily, рассказавший о поступке Хитвола, прокомментировал, что уровень безопасности в аэропортах США даже в период, когда все правоохранительные службы находятся в состоянии боевой готовности, находится на низком уровне [2]. Через 12 лет служба маршалов США провела аналогичные «эксперименты» с тем же результатом на 220 авиарейсах.

Сеть аэропортов США представляет собой важную национальную инфраструктуру, себестоимость которой составляет несколько сотен миллиардов долларов. Несмотря на это, большинство

финансовых ресурсов, выделяемых государством для обеспечения авиационной безопасности, достаются авиакомпаниям, а не самим аэропортам.

Для того чтобы обеспечить более «безболезненный» проход пассажиров через контрольные точки, средства массовой информации активно распространяют материалы с правилами поведения во время посадки на самолет. Пассажирам советуют не носить обувь с металлическими пряжками и снимать драгоценности и бижутерию во время прохождения через контрольно-пропускной пункт. Также не рекомендуется перевозить сыр и плитки шоколада, так как они больше всего похожи на взрывчатку на экранах рентгеновских аппаратов и могут стать причиной нежелательных осложнений. В соответствии с новыми правилами на борт самолетов не позволяется проносить режущие предметы и приспособления, которые могут быть применены как холодное оружие, — ножи любых размеров, ножницы, бейсбольные биты, клюшки для хоккея и гольфа, большие ключи, отвертки, топоры и молотки, бритвенные лезвия, игрушечные пистолеты и даже игрушечные роботы-трансформеры.

Однако уже в 2003 г. в правила были внесены небольшие послабления и пассажирам разрешили оставлять в личной клади пинцеты, пилки для ногтей и бритвенные приборы.

Наказания за подобные нарушения варьируются от 1,1 тыс. долл. штрафа до тюремного заключения, продолжительностью в несколько лет. Пассажирам также не рекомендуется шутить на темы подготовки терактов: за пятнадцать лет было зафиксировано 317 инцидентов, когда пассажиры приговаривались к значительным штрафам и даже условному тюремному заключению за шутки, которые вызывали беспокойство пассажиров и служб безопасности.

Однако признанные эксперты в вопросах безопасности предупреждают,

что одними технологическими новшествами угрозу захвата террористами гражданского самолета устранить невозможно.

Многоуровневый подход должен полагаться в первую очередь на работу с пассажиром, а уже затем — на оборудование. Например, если пассажир определяется как представляющий угрозу (он может числиться на соответствующем учете в госорганах или же вести себя странным образом у пунктов контроля), то он должен быть подвергнут более пристальному осмотру с использованием большего числа персонала и самого сложного оборудования. У пассажиров, которые, как предполагается, представляют меньшую угрозу (например, если они участвуют в программе для часто летающих пассажиров), проверяют только багаж с помощью рентгеновского аппарата.

В Китае действует 3-уровневая система безопасности. Но там за почти 50 лет не было ни одного теракта в самолете или в аэропорту.

Считается, что в США контролирующий персонал одинаково относится ко всем пассажирам. Ассоциация воздушного транспорта США доказала конгрессу, что служащих учат смотреть на вещи, а не на людей. Это правило действует даже в том случае, если компьютерная система Федеральной авиационной администрации, предваряющая досмотр пассажиров (ComputerAssistedPassengerPrescreeningSystem, CAPPs), установленная в 20 крупнейших аэропортах страны, определяет пассажира как представляющего угрозу.

CAPPs «прочесывает» систему резервирования авиабилетов и отбирает тех, кто, по ее мнению, может представлять потенциальную угрозу. Если человек определяется системой как «представляющий угрозу», то персонал должен обследовать вещи этого пассажира оборудованием, выявляющим наличие взрывчатых веществ. Эффективной ра-

боте CAPPs пока мешает то, что сегодня она не связана с базами данных правоохранительных органов и федеральных структур.

И, хотя после 11 сентября меры безопасности были усилены в 20 международных аэропортах, в США до сих пор несут дежурство вооруженные части Национальной гвардии, оптимальное сочетание безопасности со свободой путешествий не найдено, а тем временем очереди у контрольно-досмотровых пунктов многократно выросли [3]. Если процедура прохождения на борт в 2000 г. занимала около 20 минут, в 2003 г. для внутренних маршрутов около 45 минут, то в 2010 г. многократное повторение и обязательное общение с каждым пассажиром удлинит процедуру до 60 минут.

Одной из интересных инноваций в сфере безопасности авиаперелетов стала процедура *trustedtraveler*. Международная компания EDS по инициативе ассоциации американских авиалиний разработала специальную программу, в которой могли принять участие все граждане 12 стран, путешествующие за границу: в обмен на добровольную проверку биографических сведений и персональную беседу с представителями служб безопасности они получали карточку «проверенного» клиента (*trustedtravelercard*). Справедливости ради, стоит отметить, что подобная практика была введена не только в США.

Если личность владельца карточки подтверждается при проверке в аэропорту, он рассматривается как «представляющий небольшую угрозу» и избавляется от части проверок при досмотре. Компания EDS зашифровывает в карточки более чем 90 параметров руки пассажира, а представители компании утверждают, что и другие биометрические показатели, такие как отпечатки пальцев или рисунок радужной оболочки глаз, могут быть записаны в карточку.

Сотрудники служб безопасности в свою очередь желают предотвратить малейший риск попадания на борт самолета чего-либо опасного и подчас даже слишком перестраховываются. В результате о том, что можно взять с собой в полет, ходят совершенно невероятные слухи — вплоть до того, что на пункте контроля изымают лекарства, косметику и зубную пасту.

Запреты, спровоцировавшие огромные очереди, коснулись именно провоза ручной клади. Пассажиры имели право взять с собой на борт только документы и бумажник, предварительно упакованные в прозрачные пластиковые пакеты. Любые жидкости, кроме детского питания и жизненно необходимых лекарств, запрещались. Кстати, детское молоко перед посадкой заставляли попробовать. Нельзя было ввозить ни гели, ни парфюмерию, ни косметику, ни электронные приборы. Последний запрет был продиктован тем, что террористы якобы планировали взорвать самодельные бомбы с помощью взрывателей из деталей радиотелефона.

Одним из первых шагов в повышении безопасности полетов в США стала интеграция опыта авиационной безопасности Израиля, признанной наиболее эффективной в мире. Теперь по прибытии в аэропорт пассажиры, участвующие в программе *trusted traveler*, направляются в зону, где расположена кабинка со сканерами руки. Если система подтверждает совпадение биометрических данных, записанных в карту, с рукой пассажира, он направляется в пункт осмотра для «знакомых» пассажиров, где проводится досмотр по сокращенной программе. А «незнакомые» пассажиры, без карты или же те, чьи карты не были опознаны системой, должны пройти полный цикл процедуры досмотра, отличающийся своей строгостью.

Еще одна инновация, взятая из израильской программы, — обязательная 15-минутная проверка биографических

данных и персональное собеседование, предназначенные для того, чтобы отделить большинство добропорядочных пассажиров от небольшой группы тех, кто может вызвать проблемы. При этом интересен тот факт, что, согласно отчетам большинства крупных международных аэропортов США, собеседование сократило среднее время пребывания граждан в порту на 10–15 %.

Стратегия группы EDS дает персоналу пунктов досмотра больше времени для работы с «незнакомыми» пассажирами, которые могут вызвать неприятности.

В программе проверенных пассажиров сейчас участвуют примерно 10 % пассажиров, и она сокращает потерю времени на прохождение досмотра с двух часов до пятнадцати минут.

К сожалению, по состоянию на 2015 г. такой системой пользуются только в 15 аэропортах США

Ассоциация воздушного транспорта США подтвердила поддержку электронной системы идентификации пассажиров, а Национальная авиатранспортная ассоциация (*National Air Transport Association*) запустила добровольную программу «Небесное удостоверение» (*Sky-ID*) в партнерстве с FAA и другими организациями. Дальнейшим развитием этой системы является оказание предполетных услуг на дому.

Пассажиры, воспользовавшиеся данными услугами, получают посадочный талон дома и могут прибыть в аэропорт непосредственно к пункту прохождения паспортного контроля. В соответствии с правилами служб безопасности, во время прохождения предполетного досмотра должны присутствовать все пассажиры.

Примечательно, что Россия уже начала интеграцию положительного опыта обеспечения национальной безопасности, однако в области транспортной безопасности в настоящее время тенденция к единой системе контроля уходит в прошлое. В 2014 г. был принят Федеральный

закон № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности».

В частности, он отменил государственное тарифное регулирование услуг по проведению оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, осуществляемых специализированными организациями, то есть коммерческими структурами.

Единственным государственным органом, который осуществлял контроль за деятельностью специализированных организаций, была Федеральная служба по тарифам. С отменой государственного тарифного регулирования утрачен и контроль за деятельностью специализированных организаций.

Вопрос встал настолько остро, что в Совете Федерации в 2015 г. была создана временная комиссия по мониторингу

реализации закона 15-ФЗ, которая пытается путем экспертных оценок подтвердить необходимость государственного регулирования мероприятий по транспортной безопасности. Общественная палата РФ на своих заседаниях также уделила внимание этому вопросу.

До настоящего времени Минтранс России не смог определить компетенцию субъектов РФ и органов местного самоуправления в области транспортной безопасности, соответственно, и средства в федеральном бюджете на эти цели не предусмотрены. Получается, что функции субъектов РФ и органов местного самоуправления в области транспортной безопасности, предусмотренные в законе «О транспортной безопасности», носят чисто декларативный характер и никак не влияют на повышение безопасности перевозки населения на транспорте.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Авиационная безопасность: учеб. пособие. М.: НОУ НУЦ «АБИНТЕХ», 2007, С. 23.
2. Демидов Ю.Н., Анисимова Н.Н. Особенности визуальной психодиагностики личности террориста. Обнаружение криминального искажения информации: учеб.-метод. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2006. С. 34.
3. Терроризм и безопасность на транспорте: сб. матер. межд. науч.-практ. конф. М.: Юриспруденция, 2011. С. 57–59.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЕВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: РЕАНИМАЦИЯ, ДИНАМИКА И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Бочарников И.В.

Руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, член Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня».

Профессор кафедры информационной аналитики и политических технологий

МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Доктор политических наук.

e-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются основные причины и направления активизации деятельности левоэкстремистских организаций в мире на рубеже XX-XXI столетий. Определяется специфика их деятельности функционирования в современных условиях, а также влияние на состояние безопасности, как на национальном, так и глобальном уровнях. Отмечается, что во втором десятилетии XXI века левый экстремизм обрел новый импульс, обусловленный с одной стороны усилением протестных настроений у населения ряда стран, а с другой, – активизацией деятельности правэкстремистских структур.

Ключевые слова: левый экстремизм, левоэкстремистские организации, «новые левые», марксизм, маоизм, анархизм, антиглобализм.

Bocharnikov, I. V.

Head of the Scientific-research center of problems of national security, a member of the Zinoviev club MIA "Russia today",

Professor of information analysts and political technologies of MSTU named after N. U. Bauman, doctor of political Sciences

e-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru

MODERN LEFT EXTREMISM: REANIMATION, DYNAMICS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Abstract. The article describes the main causes and directions of revitalization of the extreme left organizations in the world at the turn of XX-XXI centuries. It is determined by the specifics of their activities functioning in modern conditions, and the impact on the security situation, both at national and global levels. It is noted that in the second decade of the XXI century left-wing extremism has gained new momentum due to on the one hand a strengthening of protest moods among the population of several countries, and reflected the activities of right-wing extremist structures.

Key words: left-wing extremism, the extreme left organizations, the new left, Marxism, Maoism, anarchism, antiglobalism.

Современный левый экстремизм опирается на сформировавшиеся в XIX веке учения анархизма и марксизма. Во второй половине XX века идеи классического анархизма и марксизма были определенным образом трансформированы под влиянием теоретиков борьбы с империализмом.

К разряду наиболее почитаемых левых экстремистами теоретиков классовой борьбы следует отнести, Э. Че Геварра, Мао Цзедун и др.

К. Маркс почитается у левых радикалов как теоретик. Высоко оценивают

ся и классики анархизма М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин. Широкое распространение, особенно в странах юго-восточной Азии и Латинской Америки получила идеология маоизма, ставшая идейной основой деятельности различных левацких экстремистских группировок.

Свое начало левый экстремизм получил в США, когда во второй половине 1960-х первые студенческие протесты «новых левых» охватили Калифорнийский университет в Беркли. Студенческие беспорядки были вызваны несогласием с войной во Вьетнаме.

Движение солидарности с американскими студентами охватило Францию, ФРГ, Западный Берлин и другие страны Запада. Молодые люди выступали против ценностей «общества потребления», против бюрократического государства, прикрывавшегося на Западе демократическим фасадом. Часть молодёжи присоединялась к радикальным политическим движениям «новых левых», идеология которых формировалась на основе соединения марксизма, анархизма и фрейдистских психологических концепций. Один из авторитетных мыслителей так называемых «новых левых» Герберт Маркузе считал, что в новых условиях именно молодёжь является той революционной силой, которая в союзе с мировым антиимпериалистическим движением может покончить с репрессивным западным обществом.

С годами в багаже левых радикалов и экстремистов накопился солидный арсенал революционных идей, не только марксистско-ленинских, но и почерпнутых из стратегии народной войны во Вьетнаме, у Мао Цзэдуна и Че Гевары.

Все это в конечном итоге способствовало консолидации левоэкстремистских организаций и формированию их организационных основ.

Среди наиболее известных организаций левоэкстремистского толка, сформировавшихся в тот период, следует выделить:

Фракция Красной Армии (РАФ, RAF — нем. Rote Armee Fraktion) – действовавшая в ФРГ и Западном Берлине в 1968-1998 годах. Основана А.Баадером, Х.Малером, У.Майнхоф и др. Была названа в честь революционных армий СССР, Китая и Кубы[6]. Примечательно, что сами по себе лидеры РАФ принадлежали к широко известным в Германии фамилиям. Так, Ульрика Майнхоф являлась потомком знаменитого поэта-романтика Фридриха Гёльдерлина. Гудрун Энслин — прямой потомок самого Гегеля. Андреас

Баадер происходил из рода известного немецкого философа XIX века Франца Ксавера Баадера. Хорст Малер был родственником «гордости немецкой музыки» Густава Малера. Ян-Карл Распе являлся потомком знаменитого писателя Рудольфа Эриха Распе, создателя «Мюнхгаузена».

Её участники рассматривали свою деятельность как городскую партизанскую борьбу [7], направленную против политического режима, установленного в результате оккупации, после поражения Германии во Второй мировой войне.

Акции РАФ были направлены против карательных органов государства и военных объектов НАТО в ФРГ. Только в мае 1972 года были взорваны бомбы в штаб-квартире 5-го корпуса армии США во Франкфурте-на-Майне, в здании Управления криминальной полиции Баварии в Мюнхене, в здании полицей-президиума в Аугсбурге, в Главном штабе армии США в Европе в Гейдельберге и т.д. На счету РАФ — 34 убийства, в том числе генерального прокурора ФРГ, председателя Верховной судебной палаты и др.

В ответ органы власти ФРГ ввели чрезвычайно жесткие меры. Так, например, был принят закон, который разрешал полицейским прицельную стрельбу по демонстрантам (даже детям), если полиция сочтет их «враждебными Конституции». В ходе полицейских операций по «выявлению и борьбе с террористами» только в 1971 — 1978 годах погибло более 140 человек — в основном мирных граждан, застреленных полицейскими по ошибке. В итоге лидеры РАФ были схвачены, и для них изобрели особый режим содержания: «мертвые коридоры». При этой системе каждого заключенного содержали в звуконепропускаемых одиночных камерах, выкрашенных в белый цвет, где свет не выключался и ночью. На каждом этаже содержался только один заключенный, не было их сверху и снизу от этой камеры [5].

В поддержку РАФ выходили многотысячные демонстрации школьников, скандировавшие: «РАФ — права! Вы — фашисты!» «Симпатизантами» РАФ считались знаменитые писатели Жан-Поль Сартр, Генрих Бёлль, Гюнтер Грасс, Макс Фриш, Фридрих Дюрренматт, кинорежиссеры Райнер Вернер Фассбиндер и Маргарет фон Троттаи др. Когда начался суд над лидерами РАФ, их преемники схватили заложником председателя Западногерманского союза промышленников, бывшего эсэсовца Ганс-Мартина Шлейера и потребовали освободить из тюрьмы своих товарищей.

После этого арестованные лидеры РАФ, по заверениям властей, «покончили с собой» — при странных обстоятельствах. Однако деятельность организации продолжилась, сменяя четыре поколения лидеров один за другим, и длилась до конца 1990-х. В 1998 году лидеры РАФ заявили о прекращении своей деятельности и роспуске организации.

Таким образом, левый экстремизм в Германии к началу 2000-х годов практически сошел на «нет».

Но, уже 2010 году в ФРГ вновь резко возросло число преступлений по политическим мотивам. Наибольшее число правонарушений на счету правых экстремистов. В то же время, по данным полиции отмечается и активизация противоправной деятельности и левых экстремистов[15].

Все это свидетельствует о том, что левый экстремизм в Германии — это не явление далекого прошлого. Немецкая полиция всерьез опасается возрождения в Германии левого террора 70-х годов, когда в стране действовала «Фракция Красной Армии». Тем более, что в стране к этому времени уже сформировались идейные наследники РАФ в лице «Немецкой коммунистической партии», «Марксистско-ленинистской партии Германии», «Полевение», «Социалистической альтернативы» и других организаций.

Пока их акции ограничиваются погромами витрин магазинов и банков, метанием камней в полицейских и срывом железнодорожного сообщения Берлин — Гамбург с помощью поджога в кабельных шахтах, а также поджогов автомобилей, находящихся в ведении органов государственной власти и правопорядка.

Так, в частности по заявлению представителя полицейского профсоюза в Бундестаге, главный комиссар полиции Р. Вендта только за летние месяцы 2011 года в стране были сожжены 150 автомобилей[15].

Об усилении угрозы экстремизма, в том числе левого толка, свидетельствуют данные доклада министра внутренних дел ФРГ Т. де Мезьера о состоянии политически мотивированной преступности в стране в 2013 году.

Согласно представленным данным в 2013 году в стране было зарегистрировано 31 545 актов экстремистского характера, что на 15,3% больше, чем в 2012 году. Из них 8673 преступлений были совершены лицами, которых МВД относит к сторонникам левого политического спектра (рост 40,1%), и 17 024 — сторонниками правого спектра (снижение на 3,3%). 1354 преступления совершены с применением насилия (рост 38%), из них 84% совершены левыми экстремистами. Как подчеркнул де Мезьер, «насилие особенно резко возросло при проведении демонстраций и митингов»[4].

В целом по данным немецкой полиции численность экстремистов в стране составляет порядка 28 000 человек. При этом, примерно 7 000 из них — это лица, постоянно готовые к применению насилия»[4].

Подтверждают выводы об обострении ситуации с левым экстремизмом в стране и результаты выводы тенденции и результаты исследования Свободного университета Берлина проведенного в феврале 2015 года.

Исследование показало, что около 20 % опрошенных немцев считают революцию единственным средством осуществления направленных на улучшение жизни реформ. Столько же немцев опасаются реальной угрозы возрождения фашизма в Германии, около 30 % называют капитализм источником нищеты и голода, а 48 процентов обеспокоены глубоко укоренившейся в немецком обществе ксенофобией [12].

Красные бригады – (итал. *Brigate Rosse*, часто использовалась аббревиатура BR) – подпольная организация, действовавшая в Италии. Была основана в 1970 году. Сочетала методы городской партизанской войны с ненасильственными методами (пропаганда, создание полулегальных организаций на заводах и в университетах). Зародилась в среде недоучившихся студентов в университете города Тренто. Основателями считаются Р. Курчо и М. Кагол.

Красные бригады ставили своей целью создание революционного государства в результате вооруженной борьбы и отсоединение Италии от союза западных государств (в том числе от блока НАТО). Численность Красных бригад доходила до 25000 человек, занятых различной деятельностью, как партизанской, так и полулегальной, обеспечивавшей функционирование боевых групп.

Среди наиболее резонансных экстремистских акций похищение и убийство экс-премьер министра Италии А. Моро.

В 1980-х годах организация была практически полностью разгромлена и прекратила свою деятельность. Тем не менее, в 2000 годах для обозначения начавших возрождаться левоэкстремистских организаций в СМИ стал использоваться термин «Новые Красные бригады» [8].

Прямое действие (фр. *Action directe*) — французская леворадикальная организация анархо-коммунистической и автономистской идеологии. Совершила серию экспроприаций,

убийств и террористических атак во Франции в промежуток между 1979 – 1987 годами. Появилась в ходе объединения Новой армии за народную автономию и Групп революционного интернационального действия.

Свое название взяла от получившей в Западной Европе в 1960 — 1980 годах популярность теории «прямого действия». Суть её в том, что традиционная демократическая модель управления государством на самом деле лишает народ реальной власти, он попадает в зависимость от решений чиновников и продажных политиков. Вернуть власть в руки народа можно лишь непосредственными, прямыми действиями – митингами, забастовками, пикетами, отказами от выполнения тех или иных законов и постановлений и так далее. В своей радикальной трактовке эта теория гласит, что для отстаивания интересов народа можно прибегать и к насильственным действиям [1].

Наряду с этими наиболее известными организациями в Западной Европе во второй половине XX столетия в плане экстремистской деятельности наибольшую активность проявляли баскская организация «ЕТА» (*Euskadi Ta Askatasuna* — «Страна Басков и свобода»), выступающая за независимость этого региона, расположенного на севере Испании и юго-западе Франции, «Фронт национального освобождения Корсики» — сепаратистская организация, поставившая своей целью добиться полной политической независимости или расширения автономии региона, признания властями Франции «народа Корсики», а также другие левоэкстремистские группировки.

Широкое развитие левый экстремизм получил также в Латинской Америке и странах Азии.

Так, в частности, одной из наиболее значимых экстремистских организаций левого толка в Азии долгое время являлась **Красная армия Японии**.

Была основана в Токио в 1968 году на базе студенческой организации «Зенгакурэн», организовавшей студенческие беспорядки в Токио в 1968. С 1971 года штаб-квартира находилась в Ливане. В период подъема насчитывала 300-400 боевиков, до 2000 членов организации, несколько тысяч резервистов.

Идеология – осуждение «советского ревизионизма» и подготовка революции сначала в Японии, где должен был быть создан «чистый социализм», а затем и мировой революции. Основными противниками революции члены Красной армии Японии считали мировой капитализм, сионизм, Израиль, антиарабское движение, а также «советский ревизионизм» [10].

Сфера действия распространялась на Ближний Восток, Центральную и Юго-восточную Азию, Западную Европу и США. В качестве объектов нападения рассматривали правительство и монархию Японии. Осуществлялись захваты отелей, посольств, угоны самолетов, похищения людей, нападения на полицейские участки в Токио и Осаке и другие акции экстремистского характера. В 2000 году Красная армия Японии заявила о самороспуске.

В странах Юго-восточной Азии и Латинской Америке на протяжении длительного периода действовали (а в ряде стран и продолжают действовать) экстремистские группировки маоистского толка.

Так, в странах Юго-восточной Азии многие коммунистические партии еще с 1930 – 1940 годов прошлого века были тесно связаны с китайскими коммунистами. Из идей Мао Цзэдуна азиатские маоисты брали, прежде всего, те положения, в которых говорилось о приоритете вооруженного насилия («винтовка рождает власть»), делалась ставка на партизанские формы вооруженной борьбы (теория «народной войны») и на ведущую роль крестьянства в этой борьбе

(теория «окружения города деревней») [12].

Коммунистические партии, вставшие на путь «идей Мао Цзэдуна», например в Бирме (ныне Мьянма), Малайе, втянулись в затяжные многолетние партизанские войны, часто сопровождавшиеся террористическими акциями.

Наиболее одиозно проявили себя маоисты в Камбодже, так называемые «красные кхмеры», установив в стране террористический режим, жертвами которого стали более 1 млн. человек.

На Филиппинах, наряду с легально существующей компартией действует нелегально, так называемая «Коммунистическая партия Филиппин идей Мао Цзэдуна».

Вооруженные формирования маоистской компартии в виде «Новая народная армия», используя террористические методы, стремятся дестабилизировать ситуацию в этой стране.

В Непале маоисты с середины 1990-х годов находились под запретом как «террористическая организация». В 2006 году маоисты сложили оружие и после 10 лет гражданской войны включились в политический процесс [12].

В Индии постепенно набирает силу крестьянское партизанское движение, во главе которого стоят маоисты. Индийские маоисты активны в 180 районах страны из 630 и действуют в так называемом красном коридоре, который тянется от южного штата Андхра-Прадеш через центральный штат Чхаттисгарх в Западную Бенгалию.

В середине июня 2009 года маоистские повстанцы провозгласили обширную территорию района Лалгарх в индийском штате Западная Бенгалия «освобожденной зоной», чем в очередной раз обратили на себя внимание всего мира.

В Латинской Америке маоистскими идеями также увлекались крайне левые элементы в региональном коммунистическом движении, которые пытались связать китайский и кубинский опыт

партизанской войны, соединив ее с городской партизанской войной, что подтолкнуло многих латиноамериканских левых к терроризму. Повстанческой группировкой, на идеологию и политическую стратегию которой оказал влияние маоизм, является перуанская «Сендеро луминосо» («Сияющий путь»), созданная в 1960 году, как ответвление компартии Перу, в 1980 организация встала на путь вооруженной борьбы.

Концепция деятельности «Сияющего пути» определялась стремлением замены буржуазной демократии на установление диктатуры пролетариата с последующей «культурной» и мировой революцией.

В рамках реализации этой цели была развернута партизанская борьба, в ходе которой осуществлялись нападения на крестьянские общины, выступивших против организации, политические убийства видных лидеров других левых групп, местных политических партий, профсоюзов и крестьянских организаций, диверсионно-террористические акты, направленные на разрушение инфраструктуры городов и сел, в том числе столицы страны Лимы.

После ареста в 1992 году лидера «Сияющего пути» А. Гусмана, начинается закат группировки. Тем не менее, антиправительственная вооруженная деятельность продолжилась вплоть до конца 1990-х годов. С 2001 года и практически ежегодно оставшиеся на свободе члены группировки проводили крупные теракты и захваты заложников[9].

Аналогичным образом проявляют себя леворадикальные структуры и в других странах Латинской Америки: Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе и др. Наиболее же ожесточенными были и по-прежнему являются действия партизанских отрядов в Колумбии, где с 1960-х годов не прекращается повстанческое движение. В настоящее время в стране действуют военно-политические группировки: Революционные воору-

женные силы Колумбии — Армия народа (ФАРК) официально образованы в 1966 активистами просоветской Колумбийской компартии. В действительности движение сформировалось в эпоху в качестве «массовой вооруженной самообороны» Либеральной партии, но позднее попали под контроль коммунистов. Силы ФАРК насчитывают до 17 тыс. бойцов. Они ведут вооруженную борьбу, добиваясь проведения социальных и политических преобразований — аграрной, конституционной и иных реформ. Лидер ФАРК — Мануэль Мару-ланда. В качестве политического крыла ФАРК в 2000 создано Боливарианское движение за Новую Колумбию.

Армия национального освобождения (ЭЛН) образована в 1964 и пользовалась поддержкой Кубы. Она опирается на левохристианские круги, одним из представителей которых был священник Камилло Торрес, который сражался в рядах ЭЛН и погиб в 1966. В 1987 ЭЛН слилась с маоистской группировкой «Движение революционных левых — Свободная родина» и называется официально Камиллистский союз — ЭЛН. Армия насчитывает более 4 тыс. бойцов. До своей смерти ее возглавлял священник Мануэль Перес, в настоящее время — Николас Родригесом.

Народная армия освобождения (ЭПЛ) — маоистская, основана в 1967 как военное крыло Компартии Колумбии — марксистско-ленинской. Насчитывает 500 бойцов. Часть ее заявила о прекращении вооруженной борьбы. В 1990 большинство членов ЭПЛ создало легальную политическую организацию «Надежда, мир и свобода».

Революционная геваристская армия — откололась от ЭЛН в начале 1990-х годов. Революционная армия народа — откололась от ЭЛН в 1991. Движение Хорхе Эльесера Гайтана — откололось от ЭПЛ в 1987. Движение Хайме Батермана Кайона — отделилось в 1991 от Движения 19 апреля.

Все большую активность в последние десятилетия проявляют и **левые экстремисты анархистской направленности**.

Анархизм – политическая философия, заключающая в себе теории и взгляды, которые выступают за ликвидацию любого принудительного управления и власти человека над человеком.

Анархизм включает в себя три основных течения: анархо-коммунизм, анархо-индивидуализм и анархо-синдикализм.

Представители анархо-коммунизма считают, что на смену государству должна прийти децентрализованная конфедерация самоуправляющихся коммун, основанных на общественной собственности.

Анархо-индивидуалисты выступают против государства и против капиталистических форм организации крупного производства, но считали возможным существование частной собственности для мелких производителей – крестьян и ремесленников, полагая, что социальной гармонии можно достичь организацией справедливого товарообмена. Анархо-синдикалисты выражали надежду на деятельность революционных профсоюзов, поскольку в них видели зародыш будущего децентрализованного, эгалитарного и неиерархического общества.

Большинство анархистов традиционно отрицают легальные формы политической борьбы и являются сторонниками революционного насилия. Так, было в процессе их самоидентификации в середине XIX века, когда анархисты отдавали предпочтение организации массовых восстаний, а позже перешли к тактике индивидуального террора, так и на рубеже XIX – XX веков, когда они использовали революционный террор в практической деятельности.

После Второй мировой войны классический анархизм переживал упадок. Его новый взлет связан с «молодёжной революцией» второй половины 60-х го-

дов, которую возглавили «новые левые». Среди них, наряду с другими идейными течениями, анархисты заняли видное место. Протесты 1968 года, породившие новые социальные движения: феминистские, «зеленые», антимилитаристские, коммунарские и т. п., дали новый импульс анархистскому движению во всем мире.

В этот период в Европе и США было созданы тысячи коммун, культурных центров, в университетах создавались комитеты сексуальной и культурной революции. При этом на смену «старым» анархистам во многом пришло новое, проанархистское движение «автономов», которое и по сей день насчитывает (особенно в Германии) десятки тысяч активистов. Это весьма политизированная молодёжная субкультура, включающая коммуны, сквоты (захваченные для жилья и борьбы здания), альтернативные кафе и книжные магазины, культурно-информационные центры и клубы, многочисленные издания, музыкальные рок- и техно-группы и другие творческие коллективы, антифашистские и феминистские инициативы, группировки «стритфайтеров» (уличных бойцов) и т.п.[13]

В целом, по мнению экспертов, в настоящее время во многих странах мира насчитываются десятки, если не сотни тысяч сторонников анархизма. Появились группы анархистов и в тех странах, в которых их никогда не было. Речь в частности идет о таких странах, как: Нигерия, Турция, Ливан и Бангладеш. Большой поддержкой анархистское движение пользуется в Греции. Именно этим в частности объясняется стойкость и ожесточенность противостояния анархистов органам правопорядка Греции в ходе массовых беспорядков в 2010-2011 годах.

Активно анархисты участвуют в уличном противостоянии с неофашистами и неонацистами, а также полицией и в целом в беспорядках в других странах,

инициируемых другими ультралевыми экстремистами.

Еще одним трендом в развитии левого экстремизма в современных условиях является появление структур, интегрирующих в себе все идеологические направления левого экстремизма и выступающие против процессов современной глобализации стало движение **антиглобалистов**.

Предшественником движения считают мексиканскую организацию «Сапатистская армия, которая выступала против договора о свободной торговле (НАФТА) между США, Канадой и Мексикой, вступившего в силу 1 января 1994 года[2].

Тогда же в 1994 году в Мексике была образована самая первая организация антиглобалистов People's Global Action (Глобальные акции народов). Лозунгом People's Global Action являются испанские слова «Ya Basta» – «С нас хватит!». Духовным лидером антиглобалистов является субкоманданте Инсурхенте Маркос, участник разгромленного индейского восстания в 1994 году на юге Мексики.

В Европе антиглобализм начался с французского фермера Жозе Бове, который в 1995 году на личном тракторе разгромил одно из заведений «Макдональдса» под Парижем. Вдохновленная этим поступком писательница Сюзан Джорж в романе «Рапорт Лугано» описала мрачное будущее нового мирового порядка: большинство человечества жестоко эксплуатируется ТНК, обеспечивая процветание избранных.

В настоящее время в мире насчитывается около трех тысяч антиглобалистских организаций. Самой известной является АТТАК (аналогия «attack» – «атака», «нападение»), основная цель которой – борьба с «дьявольской троицей»: ВТО, МВФ, ТНК.

Другое не менее авторитетное движение – Reclaim the Street («Вернем себе улицу»). Именно оно наиболее ревностно требует списания внешних долгов

стран «третьего мира». По мнению членов организации, эти внешние долги возникли из-за политики, навязанной чиновниками МВФ и лидерами ЕС.

В целом движение антиглобалистов по своему составу неоднородно, в него вливаются организации, выражающие какой-либо общественный протест: марксисты, пацифисты, защитники животных, анархисты, «зеленые», изоляционисты, профсоюзные организации, приверженцы притесняемых религий, представители молодежных, экологических, студенческих и антивоенных движений, защитники прав потребителей и противники абортов и т.д.

Активисты антиглобалистских организаций всячески подчеркивают ненасильственный характер своих выступлений, но вследствие многослойности движения в рядах манифестантов нередко оказываются группировки левацкого толка, что приводит к беспорядкам.

Первые крупные уличные беспорядки произошли в декабре 1999 года в **Сиэтле**, где на улицы вышли около 50 тысяч человек под общим лозунгом «Мобилизация против глобализации». Антиглобалисты, феминистки и профсоюзы хотели помешать участникам встречи Всемирной торговой организации. Были арестованы более 500 человек, в городе вводился комендантский час.

Насилием был отмечен так называемый «карнавал против капитализма», проведенный в Сити, деловом районе **Лондона**, 18 июня 1999 года. Десятки активистов были арестованы, около 150 человек получили ранения.

В сентябре 2000 года в **Праге** во время саммита МВФ и Всемирного банка в протестах принимало участие около 20 тыс. человек. Демонстранты, вооруженные булыжниками и бутылками с зажигательной смесью, вступили в бой с полицией у пражского Конгресс-центра, в котором проходил саммит.

В декабре 2000 года ареной ожесточенных столкновений стала **Ницца**

(Франция) в ходе проходящего там саммита ЕС. В город съехались, по разным данным, от 50 до 100 тыс. человек. Манифестанты взяли в осаду дворец «Акрополис», где заседали европейские лидеры, заставив полицейских и жандармов применить слезоточивый газ.

В феврале 2001 года хакеры-антиглобалисты из движения «Хактивист» взломали компьютерную систему, обслуживавшую форум в **Давосе**, и получили информацию о номерах телефонов, банковских счетах, кредитных карточках 1500 его участников. Тем самым хакеры хотели, по их словам, «продемонстрировать незаконность понятия интеллектуальной собственности, которое служит интересам сильных мира сего»[2].

Очередная проба сил антиглобалистов состоялась в ходе саммита Евросоюза в **Гетеборге** (Швеция) в июне 2001 года. Всего в Гетеборг съехалось порядка 15 тыс. демонстрантов, представляющих 80 организаций. Погромы начались в первый же день, во время встречи лидеров ЕС с президентом США Джорджем Бушем, олицетворяющим в глазах антиглобалистов все зло современной цивилизации. В ходе столкновений с полицией были ранены более 70 человек, травмы получили около 60 полицейских, свыше 600 участников протеста были задержаны. Впервые в истории подобных мероприятий правоохранительные органы применили огнестрельное оружие.

Одна из самых громких в истории антиглобалистов акций произошла в июле 2001 года в **Генуе** (Италия). Поводом послужил саммит стран «большой восьмерки». На улицы вышли уже 120 тысяч человек. В результате столкновений с полицией был убит манифестант Карло Джулиани. Это имя сразу становится символическим — первая жертва антиглобалистских выступлений. 200 человек получили ранения разной тяжести, сотни были арестованы.

В ходе саммита «восьмерки» в **Эвиане** (июнь 2003 года) общая численность

участников манифестации превысила 60 тыс. человек. Противники эвианского форума в Женеве и в районе Аннемасс блокировали доступ к Эвиану по шоссе, стремясь осложнить проезд персонала иностранных делегаций на саммит. Если в Женеве эта акция прошла в целом мирно, во Франции она была отмечена столкновениями антиглобалистов с полицией на автотрассе, ведущей из Аннемасс в Эвиан.

В 2003 году внутри движения произошло размежевание между радикалами, выступающими против глобализации вообще, и теми, кто добивается изменения ее форм. Последние получили название «альтернативные глобалисты» (или «альтерглобалисты»). Альтерглобалисты выступают за социально справедливую глобализацию, их деятельность направлена на диалог с властями.

В июле 2005 года встреча лидеров «восьмерки» в **Глениглсе** сопровождалась акциями антиглобалистов и анархистов, а также их ожесточенными столкновениями с шотландской полицией, в том числе в Эдинбурге и Стирлинге. Численность арестованных за нарушение порядка и сопротивление властям превысила 350 человек.

Одной из наиболее масштабных стала акция антиглобалистов в Торонто (Канада), в которой приняли участие около 10 тысяч человек. В ходе беспорядков были сожжены полицейские патрульные автомобили и разбиты несколько витрин. О масштабности акций свидетельствует тот факт, что на пресечение деятельности протестантов был затрачен 1 млрд. долл. Глава же полиции Торонто Б. Блэр назвал эти беспорядки «самыми серьезными за все последние годы»[3].

В последующем практически все саммиты так называемой G-7 (8) так или иначе, сопровождалось акциями протеста антиглобалистов в том числе посредством провоцирования уличных беспорядков. Не стали исключением и собы-

тия связанные с последним по времени саммитом «Семерки» в Эльмау в Германии в июле 2015 года. Антиглобалистами были перекрыты шоссе и заблокированы железнодорожные пути. В результате на несколько часов было прервано движение поездов. Для поддержания порядка власти ФРГ вынуждены были запросить помощь у соседней Австрии, откуда для

наведения порядка были направлены две тысячи полицейских.

Таким образом, во втором десятилетии XXI века левый экстремизм обрел новый импульс, обусловленный с одной стороны усилением протестных настроений у населения ряда стран, а с другой, – активизацией деятельности правозэкстремистских структур.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Action directe: забытая гроза Франции <http://www.chuchotezvous.ru/social-disasters/556.html>
2. Антиглобалисты. История движения и хроника борьбы <https://ria.ru/spravka/20070606/66782555.html>
3. В Торонто арестована сотня антиглобалистов <http://www.vesti.ru/doc.html?id=372136&cid=5>
4. Дебрер С. Страна радикализируется. Потихоньку <http://inosmi.ru/world/20140516/220335818.html>
5. Дмитриев И. Белый террор. <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4591>.
6. Досье DW-WORLD.DE: Террор RAF в Германии <http://www.dw.com/ru/досье-dw-worldde-террор-raf-в-германии/a-2766030>
7. Концепция городской герильи http://saint-juste.narod.ru/RAF_71.html
8. Красные бригады. Иногда они возвращаются. <http://www.kommersant.ru/doc/2290199>
9. Куда ведёт Перу «Светлый путь»? <http://warweapons.ru/kuda-vedyot-peru-svetlyiy-put/>.
10. Мацуяма М. Рэнго Сэкигун – Красная Армия Японии. Радикальная идеология и самурайские традиции. <http://komsomol.narod.ru/foreign/JRA.htm>.
11. Маоизм и организации маоистов в мире. Справка. <https://ria.ru/spravka/20100528/239665115.html>
12. Результаты исследования: каждый пятый немец жаждет революции <http://www.rusfact.ru/node/37354>
13. Рябов П.В. Краткий очерк истории анархизма в XIX — XX веках. <http://knowledge1871.narod.ru/History/Riabov/Ocherk.htm>.
14. Сальников Е.В. Экстремизм и пассионарность //Философия права. — 2012. — № 3. –С. 85.
15. Число экстремистских преступлений в ФРГ достигло рекордного уровня <http://www.dw.com/ru/число-экстремистских-преступлений-в-фрг-достигло-рекордного-уровня/a-5382501>.

ПАЦИФИЗМ И АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ВИДЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Задохин А.Г.

Профессор Дипломатической академии МИД России.

Эл. почта: aleksander_1945@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные концепции безопасности альтернативные силовым подходам. Автор отмечает, что разработка альтернативных подходов к национальной и международной безопасности связано с переосмыслением старых стереотипов и возникновением новых типов мышления.

Ключевые слова: безопасность, пацифизм, гендер, политический реализм, баланс сил гражданское общество.

A.G.Zadokhin

Professor of the Diplomatic MFA of Russia academy

PACIFISM AND ALTERNATIVE VISION OF SAFETY

Abstract. In article various concepts of safety alternative to power approaches are considered. The author notes that development of alternative approaches to the national and international security is connected with reconsideration of old stereotypes and emergence of new types of thinking.

Keywords: safety, pacifism, gender, political realism, balance of forces civil society.

.....
*Не заглушить стремленья к высшей сфере
И буре той, что днес шумит кругом!
Пусть вновь все люди — злобный враг с врагом,
Пусть в новых душах вновь воскресли звери.*

.....
*Все ж топот армий, громы артиллерий
Не заглушат стремленья к высшей сфере.*

*Брюсов В.Я. Мировая война XX века.
1918*

Традиционно национальная и международная безопасность имеет государственно-ориентированный формат. Но со второй половины XIX века предпринимаются попытки переосмысления тех оснований, на которых построены государственнические концепции безопасности и начинают разрабатываться альтернативные им. Проблематика нового — пусть еще не существующего и кажущегося маловероятным, в том числе будущего — это прогнозирование тенденций, проектирование, моделирование, программирование и т.д. А во-вторых — это

оценка настоящего состояния системы безопасности, в том числе системы деятельности государства и профессионалов в этой области.

Перейти на другой уровень понимания реальности или будущего — это значит, помимо всего прочего предложить другой Образ, в нашем случае — образ безопасности. Безусловно, что он может быть пока описан только словесно. Но этого достаточно, чтобы Образ как некий ориентир мог влиять на поведение человека. Вполне очевидно, что реальность меняется быстрее, чем происходит осознание ее. В этой связи альтернатив-

ное видение необходимо само по себе как осознание себя и окружающей реальности, старых и новых проблем развития. Это объективно и таковы свойства человеческого разума.

В этом контексте альтернативистские интерпретации безопасности и являются таковыми. Они оспаривают сложившуюся в процессе истории возникновения и развития государств и доминирующую в политической и военной

практике государственно-центричный и силовой подход к обеспечению безопасности и высказываются за расширенные определения безопасности, за такое понятие безопасности, которое исходит от индивидуума как отправной точки и делает возможным глобальное определение безопасности, развивающееся независимо от иерархических бинарных оппозиций «порядок — анархия»[1] и «внешние — внутренние» угрозы.

ЗАБЫТЫЙ ПАЦИФИЗМ

Пацифизм одно из старейших философско-политологических научных концепций и общественных движений, которые предложили свое понимание безопасности, противостоящих войне или другим формам насилия и приветствующих позитивное внимание мира как кооперативного устройства, основанного на самоорганизации группы[2]. Пацифизм вообще выступает за ненасильственные, человеческие методы разрешения конфликтов в качестве основного средства, как достижения личных, так и политических целей. Причем в СССР отрицательно относились к этому научному направлению, считая его «буржуазно-либеральным»[3].

В пацифизме изначально наличествует моральное (человеческое) противостояние насилию и войне и рациональное — «худой мир лучше доброй ссоры» и осознанная приверженность общественному и политическому сотрудничеству, основанному на соглашении. С одной стороны, пацифизм утверждает, что мир — не просто отсутствие войны, а с другой — условие такого устройства жизни группы, которое создается внутри этой группы посредством добровольного сотрудничества ее членов, в противоположность устройству, навязанному группе извне с помощью внешнего господства.

Появление пацифистских идей, в частности, явилось следствием осозна-

ния общественными и политическими кругами ряда стран последствий роста количества жертв в войнах и начала производства все новых видов вооружений уже массового (пока еще не ядерного) поражения. Вопрос о разоружении и запрете некоторых видов вооружений предполагалась поставить на первой Мирной конференции в 1898 году, одним из инициаторов которой была Россия.

В свою очередь важно, что гражданские пацифисты обращали внимание на страдания людей (особенно мирных граждан) и моральную деградацию общества в ходе войн. Распространение пацифистских идей происходило в значительной степени благодаря деятельности и произведений, в частности, таких известных личностей, как Льва Толстого, Махатма Ганди в Индии и Мартин Лютер Кинг-младший в США[4] и др. Их взгляды и яркие мысли стимулировали рассмотрение альтернатив войне и насилию[5]. Тема борьбы за мир и против войны являлась составляющей программ ряда европейских политических партий, в том числе и России. В частности, имело место сотрудничество левого крыла российской социал-демократической партии и с болгарскими социал-демократами в период русско-японской и балканских войн начала XX века[6]. В период холодной войны в 50-60-х годах прошлого столетия коммунистические партии социалистических

стран провели ряд совещаний, в повестке которых были вопросы борьбы за мир[7]. В начале 70-х годов СССР вместе с Францией инициировал процесс разрядки в Европе и явился активным участником созыва Совещания по безопасности и сотрудничества в Европе в Хельсинки в 1975 году[8]. В середине 80-х годов прошлого столетия СССР «за

честную и открытую внешнюю политику». Предлагалось «положить в основу международной политики общечеловеческие морально-этические нормы, очеловечить, гуманизировать межгосударственные отношения»[9]. Названные идеи перекликались и были близки пацифистам второй половины XX столетия.

ПАЦИФИСТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Начавшаяся после окончания 2-й мировой войны ядерная гонка вооружений между США и СССР была воспринята общественными кругами и рядом политиков мира негативно. А пацифисты считали, что война между ядерными державами стала не столько не возможной, сколько абсурдной и катастрофичной по своим последствиям для этих стран и мира в целом. Для пацифистов сама идея изобретения ядерного и создание оружия и планирование его использования изначально являлись аморальны, чем бы ни оправдывалось его создание и применение. Во всяком случае, пример тому осознание этой аморальности на личностном уровне произошло именно теми, кто сбросил на Хиросиму атомную бомбу американскими летчиками и рядом советских и американских изобретателей и создателей атомной бомбы. В этой связи представляется возможным попытаться подвергнуть сомнению тезис, что создание атомной бомбы предотвратило третью мировую войну. Если ее не было, это еще не аргумент, что именно ядерное оружие предотвратило мировую войну. Во всяком случае, этого недостаточно с точки зрения формальной логики: чего не было — того не было. Надо сказать, что тема борьбы за мир присутствовала в декларациях обеих сверхдержав.

По мнению пацифистов начала XXI века, современная высоко технологичная война часто выходит за пределы своих первоначальных целей в такой степе-

ни, что возможности сохранить традиционные для теории «праведной» или «справедливой» войны законы, ограничивающие военные действия трудно, весьма ограничены. Средства ведения войны попросту переросли возможности контроля за их применением. Оружие способно достичь пределов любой точки мира и без разбора нанести удар в глубину гражданских цензов. Причем изобретение высокоточного оружия в конце XX столетия в принципе ничего не меняет. Ибо никто не собирается буквально «бороться за мир» или за «мир без оружия».

Помимо антивоенной критики и выступлений, следует отметить разработку пацифистами концепции безопасности как «состояния мира». То есть мир — не просто отсутствие войны, а самоорганизация общества и мирового сообщества на основе осознанного согласия (понимания необходимости) граждан и наций, в отличие от общественного порядка, навязанного группе через внешнее внутреннее и внешнее давление или баланса сил на международной арене.

Поиск и создание условий для построения и поддержания кооперативного самоорганизующегося социального и международного порядка означают установление именно позитивного мира. Для пацифистов приемлемым средством в принципе является ненасилие, так как установление мира означает единство целей и средств или, в крайнем случае, компромисс, так что мир становится об-

разом жизни, сосуществования, культурой, а не утилитарной (например, баланс сил) и изолированной (временной) целью. Достичь мира путем насилия («принуждение к миру») можно и в определенных ситуациях просто необходимо, но достигнутое может иметь только локальный характер.

Очевидно, что ненасильственное общественное устройство может быть построено и поддержано только посредством ненасилия [10].

Для понимания поведенческой стратегии в сфере безопасности очень важно рассмотрение государственной идентичности, ее возникновения и авторитета. Институт государства возникает как некое продолжение священного института главы рода и вождя племени. В течение исторического всего времени утверждалась в обществе мистическая вера в некое его мессианское предназначение государства как защитника общества от внутренних и внешних угроз. В течение всего

времени с возникновения института власти утверждалась в обществе мистическая вера в некое его мессианское предназначение — защитника общества от внутренних и внешних угроз. Все это сформировало традицию сакарализации именно государственной безопасности.

Такое положение вещей сохранялось до поры до времени. Это было необходимо и государству-власти, и обществу (народу). Причем в иерархии их отношений государство однозначно стояло над обществом (народом), хотя и отождествляло себя с ним. Например, по формуле «Мы — Людовик XIV или Александр II». Но постепенно общество, саморазвиваясь (эволюция или чей-то заговор?..), самоопределяется в своих интересах, что в конечном итоге приводит к возникновению понятия «гражданское общество» или по-другому — общества граждан со своими институтами защиты своих интересов.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ

Осознание катастроф двух мировых войн и угрозы ядерной войны уже давно требовало пересмотра места государства в подходах национальной и международной безопасности. Соответственно начинают возникать различные концепции национальной и международной безопасности альтернативные традиционным государственно ориентированным. Безусловно, что речь идет не об игнорировании роли государства и его институтов в обеспечении безопасности.

Напротив, возрастает со стороны общества требования к государству. А с другой стороны, утверждается, что стабильная международная безопасность возможна только при опоре на гражданское общество [11].

Концепция гражданского общества со времен Просвещения и Французской революции, основана на кооперации са-

моопределяющегося народа, общества граждан. А в настоящее время рассматривается не столько как альтернатива государству, а как необходимый элемент устойчивого развития социально-политической системы как таковой. В этом случае гражданское общество рассматривается как бесконечный процесс национальной интеграции и развития демократии.

То есть речь идет о самоорганизующейся общности граждан претендующей на активное участие в политическом процессе и участие в формировании внутренней и внешней политики. По мнению Ю.Хабермаса, после окончания холодной войны, «на повестку дня ставится трансформация международного права в право космополитическое, мирогражданское» как попытку сторонников гражданского общества ограни-

чить угрозу войны между суверенными государствами[12].

Альтернативистские концепции гражданского общества, подвергая сомнению роль государства как абсолютного гаранта безопасности, настаивали на многомерном и многоуровневом подходе, выходящим далеко за неореалистическими рамками широкого понятий «мощь»[13] и «мягкая сила»[14], что сближает их с пацифистами, феминистами, «зелеными», антиглобалистами и сторонниками глобального «мирогражданского общества». Это согласуется с таким опреде-

лением безопасности, где главным моментом является введение в повестку дня мировой политики безопасности индивидуума, включенного в более широкие социальные структуры и глобальных проблем современности человеческой цивилизации. То есть понимание обеспечения безопасности должно находиться вне государственно-ориентированных теорий, а человеко-ориентированный анализ — «снизу-вверх» важен для понимания вопросов безопасности в контексте безопасности человека как такового [15].

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Одной из альтернативистских концепций безопасности является и концепция «человеческой безопасности» (human security)[16], цель, которой можно достичь «путем сотрудничества государств и народов. Согласно этой концепции, “подлинная безопасность должна основываться, прежде всего, на безопасности отдельной личности”[17]. Соблюдение и защита основных гражданских свобод и естественных прав личности — это то ядро человеческой безопасности, производными от которого являются все остальные формы безопасности. Соответственно, термин «индивидуальная безопасность» стал звучать как синоним таких понятий, как «безопасность человека» или «права человека». Утверждается, что концепция индивидуальной безопасности должна стать краеугольным камнем любой устойчивой и эффективной системы международной безопасности на базе сотрудничества.

Как известно, концепция человеческой безопасности основывается на Программе развития ООН (ПРООН, UNDP) заявленной в 1993 г. в «Докладе о человеческом развитии» (Human Development Report)[18]. В последующих ежегодных докладах ПРООН ставился вопрос отойти от узкого, националистического понятия безопасности к всеобъемлющему

понятию «человеческой безопасности». Пессимисты же утверждают, что это всего лишь утопия, благое пожелание, не имеющее отношения к реальности”[19]. И все-таки речь идет не об утопии.

Сторонники человеко-ориентированного подхода к безопасности отдают себе отчет об идеалистическом образе безопасности или лишь как проекте на будущее. Но, как представляется, те, кто принимает и развивает идею человеческой безопасности, настаивают на безопасности людей, а не только государств. Международная ситуация начала XXI века требует уделять внимание не только национальной безопасности традиционно-го плана, но и «значительно больше внимания буквально безопасности людей», меньше думать о безопасности через вооружение» и больше — о безопасности, через человеческое развитие — о продовольственной, трудовой, экологической безопасности, жизнеохранительной и т.д. В то время как национальная безопасность предполагает защиту государств от враждебно настроенных соседей, враждебный образ которых часто культивируется в чисто внутриполитических целях властных режимов, концепция человеческой безопасности повышает требование к власти и даже предполагает критику собственных де-

спотических, авторитарных и даже демократических правительств. А то и противодействие этим правительствам. Не отрицая объективной необходимости института государства как института управления и организации, альтернативисты настаивают на том, чтобы гражданское общество имело возможность представлять свое понимание национальной и международной безопасности и участвовать в процессе формирования политики национальной и международной безопасности.

Современной ключевой проблемой безопасности является проблема гонки вооружений. Она является следствием того, что производство вооружений превратилось в самодостаточный глобальный процесс, который трудно объяснить только ссылкой на национальные интересы, получение сверхприбыли, или какие-то иные сверхцели. Скорее всего, гонка вооружений является формой существования и самомобилизации национальных элит без какой-то определенной рациональной цели. Этим гонка вооружений и представляет особую опасность для человечества, нейтрализуя его человеческие начала и поглощая его интеллект. Изошренность новейших изобретений в области вооружений в плане уничтожения человека и масштабы его производства отвлекают от решения других проблем и создают новые. Но главное препятствуют демилитаризации наци-

ональных сознаний и международных отношений.

На Востоке пацифистские настроения представлены весьма слабо. Могут быть еще причины геополитического характера, вытекающие из региональных особенностей международных отношений и идеологии политических режимов. Таким образом, приобретая или создавая вооружения, восточные государства стимулируют развитие военных технологий и производств в западном мире и других странах. Тем самым стимулируется милитаризация политического процесса, мировой экономики и международных отношений.

В то же время насыщение современными вооружениями даже не отдельных стран, а целых восточных регионов приобретает такие масштабы, что — при слаборазвитом или полном отсутствии гражданского контроля над армией в государствах Востока и эффективных институтов регулирования международного уровня — он может выйти из-под контроля. Сдерживать рост военной мощи Востока способны только страны Запада и Россия. Но элиты последних, ссылаясь на необходимость поддержания баланса сил в том или ином регионе, одновременно рассчитывая на определенную долю прибыли и власти, постоянно лоббируют военные поставки и фактически «играют с огнем». Но Восток по своим масштабам несопоставимо превосходит «балканский пороховой погреб» Европы.

ООН — ИНСТИТУТ АНТРОПООРИЕНТИРОВАННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вполне очевидно, что несмотря на тот факт, что мир в начале XXI столетия сильно отличается от мира середины прошлого столетия, когда создавалась Организация Объединенных Наций, но это не снижает значимости ООН как института международной безопасности. В то же время разговор о реформе этой организации ведется, и он закономерен.

В этой связи раздаются пожелания о реформе этой организации. В частности, на вхождение в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН претендуют такие государства, как Германия, Япония и Индия. И у них есть для этого основания. Первые два входят в семерку наиболее развитых стран мира, а последнее государство по динамике своего раз-

вития и масштабам не уступает соседнему Китаю.

Вполне возможно, что преобразования должны касаться не только ООН. Есть предложение создать «Большую восьмерку», представляющую уже не государства, а региональные сообщества. Разумно было бы, чтобы этот институт, если он будет создан, входил в структуру ООН. Существует проект в подключении к ООН института прямого представительства гражданских обществ. Например, известный немецкий философ и политолог Юрген Хабермас предлагает «пополнить Генеральную ассамблею представителей правительств «вторым уровнем» — уровнем представителей от граждан мира» [20].

Концепцию человеческой безопасности должна развивать и проводить ее в жизнь ООН и другие международные организации. Эти организации представляют собой рамки, внутри которых международное сообщество государств способно действовать коллективно, а когда международное сообщество действует коллективно, оно должно действовать в интересах человеческой безопасности. ООН уже достаточно давно приняла идею «коллективной безопасности». Так почему бы не расширить ее до понятия «коллективной человеческой безопасности», которая стала бы основой международных коллективных действий в ответ не только на военные угрозы, но и на) розы социальному, экономическому, политическому культурному благосостоянию? Сторонники человеческой безопасности утверждают: все, что делает ООН должно иметь целью улучшение благосостояния Людей во всех его аспектах или измерениях.

Возможно, самым важным в понятии человеческой безопасности является то, что она сосредоточивает внимание международных организаций непосредственно на индивидах и их проблемах. Это значит, что отныне задачи международных организаций и задачи,

закрепленные за ООН, должны быть ориентированы на человека, людей и непосредственную заботу о них с целью их безопасности и улучшения качества жизни.

Однако здесь кроется и основная причина существующего неприятия теории и практики человеческой безопасности: защита человеческой безопасности международными организациями сталкивается с защитой и сохранением национального суверенитета. Большинство государств остаются в высшей степени чувствительными к нарушениям суверенитета, и идея гуманитарной интервенции со стороны международного сообщества разбивается об идею сверхгосударственности ООН, не особенно популярную у правительств стран-членов. Особенно много возражений выдвигают малые и незападные государства, которые воспринимают международное вмешательство как нечто, обычно исходящее от крупных и западных государств [21]. Те, кто придерживается скептической позиции относительно новой концепции человеческой безопасности, задаются вопросом, откуда исходят полномочия международного сообщества на вторжение в пределы суверенного государства и в его внутренние дела — для защиты ли человеческой безопасности или в любых других целях.

Однако даже без учета проблемы суверенитета переориентация действий международных организаций на защиту человеческой безопасности поднимает множество других спорных проблем, которые вполне могут привести к политической смерти самой идеи. Среди них не последним является вопрос о том, кто или что, собственно, является международным сообществом, которое призвано вмешиваться для защиты и поддержания человеческой безопасности. И вновь, является основанием легитимности такого вмешательства? То, что Совет Безопасности ООН уже действовал во имя человеческой безопасности, взяв

на себя право вторгаться в суверенные государства для защиты людей, вызвало вспышку продолжающихся международных дебатов. Действительно ли Совет Бедности представляет международное сообщество, спрашивают критики, или же он представляет интересы постоянных членов, которые заботятся только о себе? Если же Совет Безопасности не является легитимным представителем международного сообщества, то кто им является? Страны Запада, во главе с США, часто считают себя и свои действия представляющими «международное сообщество». Однако такие инициативы не получают одобрения. С другой стороны, Генеральная Ассамблея ООН не обладает достаточными полномочиями, чтобы действовать, и редко достигает консенсуса по какому-либо вопросу. Таким образом, возникает важнейшая проблема института, представляющего международное сообщество, особенно когда это сообщество требует права на вторжение в дела суверенных государств для защиты человеческой безопасности.

Международная политическая ситуация вокруг «безопасности личности» очень напряжена, ибо речь идет об ограничении полномочий государства и расширении полномочий международного сообщества и ООН как его представительницы. Поэтому как внутри ООН, так и вообще в современных международных отношениях есть как убежденные противники, так и пылкие сторонники применения человеческой безопасности для *оправдания* международных коллективных действий. «Гуманитарная интервенция» также имеет своих критиков и сторонников, есть также группы и коалиции, которые не возражали бы выбросить человеческую безопасность на свалку истории, и силы, которые приветствуют ее как предтечу глобального будущего. Баланс между этими силами и результаты взаимодействий между ними в рамках ООН определяют будущее «человеческой безопасности»

Для концепции человеческой безопасности не столь важно, действительно ли государство намеренно унижает собственных граждан или просто потеряло контроль над событиями[22]. Поскольку исторически государство являлось единственным институтом, ответственным за обеспечение безопасности, именно оно, по определению, повинно во всех нарушениях на своей территории (даже если прямым источником угроз человеческой безопасности выступает не государство, а, например, банды, которые оно не может уничтожить). Как бы там ни было, государство не выполняет своих обязательств и поэтому, как утверждают сторонники концепции человеческой безопасности, в случае угрозы жизни и благосостоянию граждан оно не должно приниматься во внимание.

Таким образом, не сами по себе старые и новые угрозы и опасности, а то, что сторонники концепции «человеческой безопасности» обращаются к этим угрозам и опасностям, минуя систему суверенных государств, является необходимой и существенной характеристикой этого понятия. Несмотря на неоднозначность указанного подхода, оправданием ему служит то, что некоторые современные государства либо неспособны обеспечить безопасность своих граждан, либо сами становятся основным источником угроз. Все это так, но тот факт, что альтернативистские понимания безопасности исходят из стран Запада, они воспринимаются часто, как некий «заговор» против национального государства и прикрытием их силовой политики западными великими державами и западными международными союзами. И это притом, что силовой подход к решению внутренних и внешних проблем далеко не чужд незападным государствам. В этой связи особое место в ряду альтернативистских концепций безопасности занимает феминистский подход.

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Появление новых вызовов и угроз безопасности человеческой цивилизации и человеку как виду как проявление негативной тенденции в глобальных процессах и нерешенности глобальных проблем ставит вопрос не о смене одной системы ценностей на противоположную, а о формировании системы ценностей адекватной формуле устойчивого развития человечества[23]. Речь идет о формировании культуры устойчивого развития[24] с ориентацией на человека, гармонизации социоприродных отношений и политических отношений, в том числе отношений мужчины и женщины требуют серьезных перемен, которые можно выразить и понятием «феминизация культуры» как достижения и определенного баланса в социальных и политических отношениях[25], и обретения в развитии еще одного альтернативного видения.

Феминисты пересматривают в корне представления о безопасности, оспаривают навязанные американским то ли политологами, то ли политтехнологами силовые основы пресловутого «политического (нео)реализма». Феминисты высказываются за такое понятие безопасности, которое связано со справедливостью и эмансипацией и исходит от индивидуума как отправной точки и делает возможным глобальное определение безопасности, развивающееся независимо от иерархических бинарных оппозиций «порядком — анархия» и «внешние — внутренние» угрозы, «стратегический паритет биполярного мира» и т.д. Причем большинство из них считают, что для понимания поведенческой стратегии в сфере безопасности очень важно рассмотрение все той же государственной идентичности в контексте ее возникновения как формы территориальной самоорганизации социальной группы.

Направленность же феминистов на достижение эмансипаторской цели — положить конец подчинению женщин — согласуется с более широким определением безопасности, где главным моментом, по их мнению, является введение в повестку дня безопасности человека. Феминисты пытаются разобраться в том, как безопасность индивидуума и групп людей на всех уровнях в обществе и культуре сосуществует с насилием, как в физическом[26], так и в структурном смыслах[27].

Феминисты, в целом разделяют мнение тех ученых, которые считают, что культура, идентичность и интерпретирующие их способы анализа «снизу-вверх» важны для понимания вопросов безопасности[28], и что эмансипаторское видение безопасности должно находиться вне государственных ограничений.

С целью сделать гендерные предрасудки очевидными, феминисты, изучающие международные отношения, подобно другим альтернативистским исследованиям, принадлежащим к критическому направлению, провели анализ положений реализма и неореализма, в которых говорится о поведении государств в сфере национальной безопасности[29]. На основе осуществленного ими повторного анализа так называемых «мифов о сотворении международных отношений», на которых основаны реалистские предположения о поведении государств, они выявили такие предания, отражающие мужские взгляды на то, как люди ведут себя в обществе.

Важно отметить, что феминисты отличаются от выше упомянутых альтернативистов тем, что считают гендер центральной категорией анализа для понимания проблем безопасности. По их мнению, именно наличие неравных социальных структур, определяющих доминирование мужского начала в по-

литике государства, негативно сказываются на безопасности личности и групп[30]. Одновременно, ученые-феминисты занимаются изучением того, что происходит в течение войн, особенно влиянием (по сути мужских) войн на женщин, детей и на гражданских лиц в широком смысле слова. Они обращают внимание на высокий уровень жертв среди гражданского населения в современных войнах. Тем самым оспаривая тот миф, что войны ведутся во имя «национальной безопасности», то есть для защиты женщин, детей и других категорий населения. Феминисты избрали подход «снизу-вверх», анализируя влияние войн буквально на человеческом уровне. При этом, признавая гендерный фактор категорией анализа, феминисты предлагают посмотреть иначе на причины войн и конфликтов[31].

Вопреки широко распространенному мифу о том, что в войне по большей части участвуют только мужчины, чтобы защитить «уязвимых» граждан, к которым, как правило, причисляют женщин и детей, следует заметить, что именно женщины и дети составляют значительную долю убитых и раненых в войнах недавнего времени. В соответствии с докладом ООН о человеческом развитии за последнее время произошло резкое увеличение числа военных потерь среди гражданского населения — они выросли примерно с 10% в начале XX в. до 90% соответственно в его конце. В этом докладе утверждается, что процентный скачок свидетельствует о том, что женщины во время войны оказываются в числе наиболее пострадавших, хотя они составляют всего лишь 2% от мирового военного контингента, находящегося на постоянной службе[32].

Осознание того, как воздействует война на женщин, мы можем достичь лучшего понимания возрастания неравноправности гендерных отношений в период военных действий. Таким образом, героизация войны — это тради-

ционно-историческая мифологизация мужчин-воинов и защитников, берущая свое начало в период региональных войн и борьбы за территории. Факты и свидетельства относительно положения женщин и детей во время конфликтных ситуаций, которые мы имеем в прошлом и сейчас, серьезно подрывают этот миф; тем не менее, подобные вымыслы сохраняли свою значимость для оправдания необходимости войны и невозможности мира. Более того, культивируются представителями силовых структур.

Феминисты обращают внимание на тот факт, что политика государств в сфере национальной безопасности зачастую признается «законной» благодаря апелляциям к сакрализованным силовым шаблонам. Но формируемые национальные концепции безопасности складываются не только под влиянием внешним угроз. Нередко манипуляции с образами угрозы служат для оправдания неудач внутренней политики и экономики, а то и для террора против своего же населения[33]. В ряде случаев этот язык силы закамуфлирован наукообразными рассуждениями о каком-то стратегическом паритете, заботе о глобальной безопасности или некоей глобальной миссии и т.д. Все это, по мнению феминистов ограничивают возможности мыслить широко о национальной и международной безопасности [34].

Женский взгляд демократизирует исследовательское поле безопасности в том плане, что делает его более многоплановым и полиархичным[35], продолжая традиции конструктивистского подхода к пониманию социальных процессов как результатов различного рода нематериальных практик[36]. Гендерные исследования позволяют отойти от государство-центричной мужской парадигмы в изучении проблем безопасности и международных отношений. Специалисты по гендеру отказываются рассматривать мировую политику исключительно сквозь призму дипломатиче-

ских (в основном представленных мужчинами-дипломатами или пусть даже женщинами, но подчиненными этим мужчинам) взаимоотношений между государствами и обращают внимание на проблемы, которые не уместаются в традиционные концепции безопасности.

Стремясь осмыслить поведение государств в поисках безопасности, феминисты, как правило, отрицали рационалистические модели. Они считали, что содержащиеся в этих моделях претензии на универсальность и научную объективность представляются проблематичными, поскольку они построены на основе архаических мужских моделей человеческого поведения [37]. При всех издержках и в чем-то ограниченности феминистского исследовательского направления, их взгляд на гендерно обусловленные модели обеспечения безопасности может помочь нам выяснить не только причины войн, но и то, как в науке о международных отношениях и внешнеполитической практике рассматриваются проблемы безопасности.

Уменьшение неравных гендерных иерархий создает еще одно сопряжение образов безопасности. Пересечение понятий безопасности и оппозиций восприятий может внести дополнительный вклад в дело мира и социальной справедливости. То есть предложить в этом сопряжении нечто новое. Более того, минуя дихотомические оппозиции («Мы лучше — чем Они») способы размышления о войне и мире, формулирование проблемы социального построения гендерных иерархий и «развенчание мифа о мужчинах-защитниках» [38], которые способствуют распространению подобных способов мышления, мы могли бы сформулировать менее гендерно зависимые и более содержательные определения безопасности.

* * *

В целом же речь идет о том, что на повестку дня международной политики

встает вопрос об изменении существующего миропорядка. Основной акцент, как представляется, следует сделать, на формировании новой культуры сосуществования и взаимодействия всех участников международных отношений.

Нельзя признать нормальным и допустимым, что продажа оружия и производство под тем или иным предлогом новых видов вооружений стимулирует использование силы, что демонстрация и прямое использование силы ради сохранения международной стабильности и мира не достигает цели, а напротив создает новые очаги напряженности, что вооруженные внутренние и международные конфликты угрожают безопасности граждан и всему мировому сообществу. Очевидным фактом является то, что мир перенасыщен насилием.

Соответственно, своевременными представляются предложения по формированию «культуры мира», а также «этики сотрудничества» в условиях глобализации, исходящие соответственно от ЮНЕСКО. По существу, эти предложения возможно реализовать только через насыщение политического пространства и международных отношений надгосударственными гражданскими связями, более предрасположенными к пацифизму и космополитизму, чем традиционные государственные коммуникации.

При всей абстрактности и противоречивости дискуссий о будущем мироустройстве, позитивным является то, что в центре ставился вопрос о более тесном сотрудничестве государств мира вне зависимости от существующих между ними противоречий в интересах и различий в ценностных ориентациях. Организация пространства международных отношений на новых принципах предполагает умение видеть интересы друг друга через призму толерантности, а также через развитие навыков ненасильственного разрешения противоречий и проведение политики превентивного миротворчества. Для всех стран мира — это

должно стать началом осознания себя в них все более растущей взаимозависимости и своих национальных интересов в усло-

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М., 1989.
2. Пацифизм в истории. Идеи и движения. М., 1998.
3. Философский словарь М., 1963.
4. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. Толстой Л.Н. Полн. СОБР. Соч. В 90 т. М., 1928 — 1958. Т. 37; Толстой Л.Н. В чем моя вера? Собр. Соч. в 22-х т. Т. XVI. М., 1983; Ганди М.К. Моя вера. М., 2009; Кинг М.Л. Есть у меня мечта ... Избр. М., 1970 и др.
5. Муракани Т.ё. Лев Толстой и пацифизм. www.krotov.info; Гусейнов А. Л.Н. Толстой о непротивлении злу насилию. — Свободная мысль. 1994. № 6; Мир/ Peace: альтернатива войне от античности до конца Второй мировой войны. М., 1993 и др.
6. Задохин А.Г. Борбата за мир като обект на сътрудничеството на комунистите. — София. 1986.
7. Программные документы борьбы за мир, демократия и социализм. М., 1961.
8. Задохин А.Г. Международното сътрудничество между СССР и България в борбата за мир и разверване на международна напрегност в Европа през 70-те години. София. 1988.
9. Горбачев М.С. Перестройка и новые мышление для нашей страны и для всего мира. — М., 1987.
10. Cady D.L, From Warism to Pacifism: A Moral Continuum, 1989.
11. Bjorn Moller. The Concept of Security: The Pros and Cons of Expansion and Contraction. COPRI Working Paper. 2000. № 26. P.2 — 3.
12. Хабермас Ю. Косовский конфликт в контексте современного миропорядка. — Независимая газета. 1999. 2. 07.
13. Военная сила в международных отношениях. Под общ. Ред. В.И.Анненкова. М., 2009. С. 39.
14. Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск/Москва, 2006.С. 30-32; Филимонов Г. Внешняя политика США как компонент «мягкой силы». Дисс. на сиск. Уч. ст. к.п.н. М., 2007.
15. Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. 3. Основания глобальной безопасности: Социологический гуманитарный аспект. М., 2009.
16. Митрофанова А.В. «Человеческая безопасность» — вызов национальному суверенитету? — Ученые записки. ИАМП. Дипломатическая академия МИД РФ. М., 2001. С. 34 — 53.
17. Коэн Р, Михалка М. Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка. Публикация № 3 Центра им. Маршала
18. См.: Митрофанова А.В. «Человеческая безопасность» — вызов национальному суверенитету? — Ученые записки. ИАМП. Дипломатическая академия МИД РФ. М., 2001. С. 35 — 36.
19. Митрофанова А.В. «Человеческая безопасность» — вызов национальному суверенитету? — Ученые записки. ИАМП. Дипломатическая академия МИД РФ. М., 2001. С. 35.
20. Die Zeit. 1999, № 8.
21. Аюпян А.А. Безопасность и государство. — Национальное государство в условиях глобализации. М., 2005. С. 99.
22. Митрофанова А.В. Указ соч. С. 37.
23. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. М., 2002. С. 41 — 48.
24. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке... С. 204 — 206.
25. Вовченко О.М. Общественное равенство женщин: (Взгляд сквозь время и пространство). — М.: Тройка, 1995.
26. Например, как см.: Военная сила в международных отношениях. М., 2009.

27. Денисов В.В. Социология насилия. М., 1975; Шевченко О.В. Феномен насилия в международно-политических конфликтах современности. М., 2004. Автор. дисс. на соиск. уч. ст. к.п.н. М., 2004.
28. Митрофанова А.В. Указ. соч.
29. Алексеева Т.А., Лебедева М.М. «Женщина-невидимка» в мировой политике: уроки для России. — Тикнер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. М., 2006.
30. Вовченко О.М. Общественное равенство женщин: (Взгляд сквозь время и пространство). — М.: Тройка, 1995; Ушакова В.К. Общественная роль женщины и идеология феминизма: (крит. анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук / АН СССР. Ин-т социол. исслед. — М., 1984. — 25 с.
31. Дж. Энн Тикнер. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны». М., 2006.
32. United Nations, Human Development Report. 1995. P. 45; Quoted in Pettman, *Worlding Women*, P. 89.
33. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 200 — 215..
34. Соснов А.В. Путь в технологический тупик. Российская экономика не потянет развитие стратегических наступательных вооружений. — Независимое военное обозрение. 2010. № 2.
35. Huysmans J. Migrants as a security problem: dangers of 'securitizing' societal issues. In: *Migration and European Integration. The Dynamics of Inclusion and Exclusion*. Edited by Robert Miles and Dietrich Thranhardt. Pinter Publishers, London and Fairleigh Dickinson University Press, Madison & Teaneck, 1995. Pp. 57-70.; Kofman E. Feminism, Gender Relations and Geopolitics: Problematic Closures and Opening Strategies. In: *Globalization: Theory and Practice*. Edited by Eleonore Kofman and Gillian Youngs. Pinter, 1996. P. 218.
36. Nicholson L. Interpreting gender. In: *Social postmodernism. Beyond identity politics*. Cambridge University Press, 1995. P. 39.
37. Клименкова Т.А. Философско-мировоззренческие аспекты феминистских представлений о природе "женственности" и "мужественности". — *Философия и мировоззрение*. — М., 1988. — С.141-169.
38. Тикнер Дж. Э. Мировая политика с гендерных позиций... . С. 146.

РЕГИОНАЛИСТИКА

КРЫМСКИЙ РЕГИОН В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Цветкова О. В.

Доцент, кандидат политических наук.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

e-mail: tsvetkovaov@mail.ru.

Аннотация. В данной статье рассматриваются территориальные особенности и границы Крымского полуострова. Особое внимание уделено правовым основаниям процесса воссоединения Крыма (Республики Крым и города федерального значения Севастополя) с Россией и крымскому вопросу в российско-украинских отношениях.

Ключевые слова: Крымский регион, референдум, Крымский полуостров, российско-украинские отношения.

Tsvetkova O.V.

Associate professor, candidate of political sciences.

Moscow State University Lomonosov Moscow State University.

e-mail: tsvetkovaov@mail.ru.

CRIMEAN REGION IN RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS

Abstract. this article deals with the territorial characteristics and the boundaries of the Crimean Peninsula. Special attention is paid to the legal grounds of the process of reunification of the Crimea (Republic of Crimea and city of Federal importance Sevastopol) Russia and the Crimean question in Russian-Ukrainian relations.

Key words: Crimea, the referendum, the Crimean Peninsula, the Russian-Ukrainian relations.

С тех пор как в марте 2014 года Крым стал субъектом Российской Федерации, за происходящими событиями на территории полуострова наблюдают жители России и Украины. Эта тема стала своеобразной линией раздела между сторонниками и противниками мартовского референдума и последовавшего за ним вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

Крымский регион находится в центре внимания мировых средств массовой информации как причина направленной против России санкционной политики и предметом спора в российско-украинских отношениях. В связи с этим и рядом других причин вопросы, связанные с Крымом, достаточно актуальны в настоящее время.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЫМСКОГО РЕГИОНА

Крымский полуостров — специфическая территория с точки зрения геополитического положения. Территория расположена достаточно компактно, за исключением вытянутого на восток Керченского полуострова, ее протяженность с севера на юг составляет

180 км., а с запада на восток — 360 км. Крым находится примерно на одинаковом удалении от экватора и северного полюса, что является благоприятной предпосылкой для развития внешнеторгового комплекса. Омывается полуостров Черным и Азовским мо-

рями, а это дешевые водные пути как в южные области Украины, Краснодар, Грузию, Турцию, Болгарию, Румынию, так и через Мраморное и Средиземное моря в Мировой океан. Такое расположение Крымского полуострова создает

благоприятные предпосылки для экономического развития региона. В тоже время необходимо учитывать и демографические особенности полуострова, большинство населения составляют не украинцы, а русские.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КРЫМСКОГО РЕГИОНА

Украину как самостоятельное государство создали российские большевики в 1918 г., они же дали ей столицу в Харькове, сформировали на части территории бывшей Российской империи «Украинскую Советскую Социалистическую Республику» и включили ее в состав СССР, приращивали «Украину» новыми территориями, в том числе Западной Украиной и Буковиной в 1939 г. и Крымом в 1954-м, создали «украинский язык», «украинскую литературу», «украинский народ». Если бы политика исходила из этих непреложных фактов, то решение было бы, очевидно, простым: Украинское государство занимает исконно российские территории (ну, может быть, чуть-чуть территорий бывшей Австро-Венгрии, Чехословакии, Румынии), большая часть его населе-

ния — русские, подвергшиеся процессу украинизации в годы советской власти и существования суверенной Украины, и поэтому вся эта территория должна принадлежать России [1].

Отметим, что исторические аргументы такого рода не могут являться законным (международно-правовым) основанием для принятия политических решений, предъявления территориальных или иных претензий, тем более для агрессивных действий в отношении другого государства. Они скорее важны для правильного понимания сущности современного Украинского государства, внутренних противоречий, приведших страну к острому политическому кризису конца 2013- 2014 гг., к государственному перевороту в марте 2014 г. и свержению правительства В. Януковича [2].

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ КРЫМСКОГО РЕГИОНА

Границы территории Украины (в том виде, в котором они существовали до марта 2014 г.) закреплены как в национальном и международном праве (двусторонние соглашения Украины с зарубежными государствами, включая Россию), так и в многосторонних соглашениях, в частности регулирующих вопросы безопасности в Европе. Права Украины как суверенного государства, включая ее суверенитет, обеспечиваются Уставом ООН, членом которой является Украина.

Так, закон «О правопреемстве Украины» от 12 сентября 1991 г. (ст. 5) определяет границу Украины как «Государственную границу Союза ССР, которая отделяет территорию Украины от тре-

тых стран, а также границу Украинской ССР с Белорусской ССР, РСФСР, Республикой Молдовой по состоянию на 16 июля 1990 года» [3]. Тем самым Украина на основе внутреннего законодательного акта включила в состав своей территории и Крымский полуостров.

В международном праве границы Украины в том виде, в котором они существовали по состоянию на 16 июля 1990 г. и до 16 марта 2014 г., были закреплены в договоре между РСФСР и Украинской ССР от 19 ноября 1990 г. [4] (ст. 6) и в сменившем его договоре о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной от 31 мая 1997 г. (Большой договор) [5].

Отметим, на протяжении всех недолгих лет существования Украины как суверенного государства Россия неуклонно и четко выполняла и продолжает выполнять свои обязательства перед Украиной, зафиксированные в двусторонних и многосторонних документах,

имеющих как обязательный, так и необязательный (декларативный) характер (вроде Лиссабонского меморандума), что полностью соответствует букве и духу международного права, в том числе его основополагающего документа — Устава ООН.

ПРОБЛЕМА КРЫМА В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Политика России в отношении Украины, основанная на признании ее территориальных границ и государственного суверенитета, естественно, распространялась и на территорию Крыма — до тех пор, пока население этого автономного региона Украины на основе свободного волеизъявления в ходе референдума не приняло подавляющим большинством голосов решение о выходе из состава этого государства. Иными словами, до тех пор, пока территориальные границы Украины не изменились де-факто в результате выбора народов Крыма, который перестал быть частью территории этой страны.

Здесь следует особо подчеркнуть, что крымский референдум 2014 г. не был результатом внешнего вмешательства иностранных государств, в том числе России, и тем более применения силы или угрозы применения силы в отношении Украины или украинских органов власти в самом Крыму. Более того, Россия, имея в Крыму базу российского Черноморского флота с соответствующим воинским контингентом, подчер-

кнуто приняла меры по недопущению его вмешательства в события в Крыму, ограничившись лишь вполне законным усилением охраны объектов Черноморского флота и мест дислокации своих воинских частей.

Проблема Крыма в российско-украинских отношениях — это не проблема нарушения Россией суверенитета Украины. Крымский кризис 2014 г., завершившийся референдумом о самоопределении Крыма и добровольным его вхождением в состав России, — часть глубокого внутреннего социально-экономического и политического кризиса Республики Украины, прежде всего — массового, многолетнего и систематического нарушения прав народов этой территории, дискриминации ее населения по национальному и языковому признаку со стороны украинских властей — от Кучмы до Ющенко, Януковича и захвативших в марте 2014 г. власть на Украине лидеров очередного киевского «Евромайдана», пытающихся навязать стране власть этнического меньшинства — украинских «западенцев» [6].

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ

Моделирование территориально-государственного устройства Российской Федерации происходит на правовой основе путем объединения (укрупнение, слияние) субъектов РФ; деления существующего субъекта на части, разукрупнения субъектов РФ; создания новых субъектов из частей двух и более (объединение фрагментов); вхождения

новых территорий (присоединение новых ареалов).

Изменения территории предусмотрено в Федеральном Конституционном законе от 17 декабря 2001 года №6-ФКЗ «О порядке принятия в состав Российской Федерации и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [7].

По Федеральному закону образование нового субъекта РФ осуществлялось на добровольной основе, с учетом мнения населения, выраженного на региональных референдумах прежних субъектов РФ, выступивших с инициативой объединения. Таким образом, на практике реализовались нормы Федерального закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» в части образования путем слияния новых субъектов в составе Российской Федерации. Реализовалась и норма принятия в Российскую Федерацию нового субъекта РФ после проведения референдума 16 марта 2014 года в Республике Крым и городе Севастополе (Украина). В результате референдума было принято решение о воссоединении с Российской федерацией на правах субъектов Российской Федерации. С учетом свободного и добровольного волеизъявления народов Крыма Президент РФ В.В. Путин издал Указ от 17 марта 2014 г. «О признании Республики Крым» [8], что стало предпосылкой для заключения Договора от 18 марта 2014 г. между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов. После ратификации Договора в составе Российской Федерации были включены Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Отметим,

данный договор полностью соответствует Конституции РФ и по существу нормативно оформил легитимность присоединения республики Крым и Севастополя, добровольность их вхождения в Российскую Федерацию на правах равноправных субъектов.

Таким образом, правовыми основаниями принятия в Российскую Федерацию Крымского региона являются:

- 1) результаты общекрымского референдума, проведенного 16 марта 2014 года в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, на котором поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации;
- 2) Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, а также Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов;
- 3) предложения Республики Крым и города с особым статусом Севастополя о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым, включая город с особым статусом Севастополь;
- 4) Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [9].

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ

В 2014 году по причине присоединения двух новых субъектов федерации был создан Крымский федеральный округ на период интеграции Крыма в Россию. Крымский федеральный округ образован указом президента России В. В. Путина от 21 марта 2014 года. В состав округа входят два субъекта РФ (Республика Крым и город федерального значения Севасто-

поль). КФО расположен на Крымском полуострове. КФО является округом-полуэксклавом, не имеющим сухопутной границы с другими округами и основной территорией России (хотя имеет таковую с другим государством — Украиной). До июля 2016 года в Российской Федерации было учреждено девять федеральных округов (Центральный, Южный, Севе-

ро-Западный, Дальневосточный, Сибирский, Приволжский, Уральский, Северо-Кавказский, Крымский).

28 июля 2016 года В. Путин подписал указ о преобразовании Южного федерального округа и Крымского федерального округа в Южный федеральный округ. По сути, это завершение переходного интеграционного периода присоединения Крыма к России. С точки зрения автора, Крымский полуостров

достаточно мал по территории, чтобы представлять отдельный округ и данное объединение еще раз доказывает принадлежность крымской территории к Российской Федерации. Обратим внимание, что состав Южного федерального округа во второй раз подвергается изменению — отделение территории в отдельный Северо-Кавказский федеральный округ и присоединение территории Крымского федерального округа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Блищенко В. И. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве [Текст] : моногр. / В. И. Блищенко, М. М. Солнцева. — Москва: АСПЕКТ ПРЕСС, 2014. — С. 46.
2. Манойло А.В. Роль цветных революций в демонтаже современных политических режимов // Национальная безопасность / notabene. — 2014. — № 3. — С. 104-107. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.3.12058
3. «О правопреемстве Украины». Верховный Совет Украины. Закон от 12.09.1991 № 1543 — XII// Ведомости Верховного Совета Украины. 1991. № 46. С.617.
4. Подписан председателем Верховного Совета РСФСР Б. Ельциным и председателем Верховного Совета СССР Л. Кравчуком.
5. Ст.2 договора от 31 мая 1997 г.: «Высокие договаривающиеся Стороны в соответствии с положениями Устава ООН и обязательствами по Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе уважают территориальную целостность друг друга и подтверждают нерушимость существующих между ними границ».
6. Блищенко В. И. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве [Текст] : моногр. / В. И. Блищенко, М. М. Солнцева. — Москва: АСПЕКТ ПРЕСС, 2014. — С. 48.
7. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. N 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/184002>
8. Указ Президента Российской Федерации от 17.03.2014 г. № 147 «О признании Республики Крым» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38202>
9. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38220>.

ПОЛИТИКА СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ТРУДА И КАПИТАЛА: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Фельдман П. Я.

Кандидат политических наук.

Доцент кафедры философии и политологии

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений».

E-mail: pavelfeld@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется политологический анализ зарубежных моделей политического согласования интересов организованного труда и капитала. Автор выявляет глобальные тенденции развития институтов корпоративизма в свете вызовов, встающих перед западным профсоюзным движением. Основное внимание уделяется проблеме легитимности американских и европейских органов трипартизма, а также роли государства в регулировании отношений между работниками и работодателями как наиболее массовыми группами интересов.

Ключевые слова: политика согласования интересов, корпоративизм, социальное партнерство, трипартизм, профсоюзы, политические партии.

Fel'dman P. J.

*Candidate of political sciences, the associate professor of the department of philosophy and political science of the «Academy of labour and social relations», Moscow
e-mail: pavelfeld@mail.ru*

POLICY OF COORDINATION OF INTERESTS OF WAGE-LABOUR AND CAPITAL: ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE

Abstract: In article the comparative analysis of foreign models of political coordination of interests of the organized wage-labour and capital is carried out. The author reveals global tendencies of development of institutes of corporatism and in the context of challenges facing the Western trade union movement. The main attention is paid to a problem of legitimacy of the American and European mechanisms of a tripartism, and also to the role of the government in regulation of relations between workers and employers as the largest interest's groups.

Keywords: policy of coordination of interests, corporatism, social partnership, tripartism, labor unions, political parties.

В условиях актуализации внешнеполитических вызовов и сохранения сложной экономической обстановки внутри страны, принципиальное значение приобретают вопросы, связанные с обеспечением социально-политической стабильности в России. Необходимость гармонизации общественных отношений посредством превентивного урегулирования межклассовых конфликтов объективно обусловлена национальными интересами Российской Федерации, четко обозначенными в ее Стратегии национальной безопасности. Соответственно, возникает острая потребность в изучении политики согласования антагонистических общественных ин-

тересов, потенциальное столкновение которых несет в себе угрозу для устойчивости политической системы. К числу таковых, прежде всего, могут быть отнесены интересы, связанные с распределением и перераспределением материальных ресурсов в процессе общественного производства. Создание вещественных благ посредством разделения труда порождает социальные, экономические и политические противоречия, обладающие высоким конфликтогенным потенциалом. Комплексная и сбалансированная политика согласования интересов организованного труда и капитала может стать залогом поддержания социального мира в условиях жесткой эко-

номической дифференциации и стремительного увеличения разрыва между богатыми и бедными. В данном контексте представляется необходимым политологический анализ зарубежного опыта упорядочения отношений между работниками и работодателями как ведущими группами давления.

Исходной точкой в процессе формирования политики согласования интересов субъектов общественно-производственных отношений, гипотетически, может считаться возникновение тред-юнионизма в странах Запада на рубеже XVIII-XIX вв. Полагаем, что до этого момента координация интересов владельцев капитала и наемных работников не могла осуществляться в рамках политической системы по причине отсутствия коллективно организованных субъектов, которые бы отстаивали требования последних. Уже к началу XX в. западные профсоюзы сформировались как ассоциативные группы интересов, обладающие квалифицированным бюрократическим аппаратом и значительной социальной базой. Дабы трансформировать свой растущий экономический и организационный потенциал в политическое влияние, они обратились к практике инкорпорирования своих представителей в легислатуры. Наиболее энергично данный процесс разворачивался в Англии, где ассоциации наемных работников совместно с рядом левых партий в 1900 г. учредили «Комитет по представительству интересов наемных работников» («Labour Representation Committee»), выдвинувший на выборы в Палату общин 15 кандидатов, из которых двоим удалось добиться победы. Уже к 1906 г. профсоюзное представительство в английском Парламенте расширилось до 29 человек, что способствовало скорому созданию Лейбористской партии Великобритании. Начало XX в. ознаменовалось возникновением аналогичных политических объединений практически во всех странах Запада.

Расширяющееся представительство наемных работников в органах законодательной власти позволило вывести коллективный торг между трудом и капиталом на уровень легислатур. Однако институционализация электорального представительства социально-трудовых интересов достаточно быстро обнажила несовершенство парламентских процедур, в рамках которых диалог между работниками и работодателями опосредованно ведут политические партии. Прежде всего, необходимо отметить, что все партии как субъекты политической борьбы претендуют на власть, которая сама по себе выступает жестко ограниченным общественным ресурсом и нередко становится предметом политических конфликтов. Кроме того, взаимодействие между партиями осложняется их выраженной идеологической окрашенностью. Как правило, трудовые (лейбористские) партии тяготеют к левому (социалистическому или социал-демократическому) флангу, а партии, представляющие интересы предпринимателей, избирают для себя либеральную или консервативную платформы. Скованные рамками антагонистических идеологий, партии утрачивают «политическую пластичность», а следовательно, их способность к компромиссу значительно снижается. Наконец, законотворческая деятельность политических партий носит стратегический характер и не может устранить всего комплекса локальных противоречий, которые систематически возникают в процессе общественного производства. Вышеуказанные издержки, на наш взгляд, выступают достаточными основаниями полагать, что гармонизация отношений собственников капитала и наемных работников не может быть прерогативой исключительно институтов электорального представительства: требуются дополнительные политические механизмы, обеспечивающие артикуляцию, репрезентацию и координацию коллективных интересов

работников и работодателей. В качестве одного из таких механизмов может рассматриваться *корпоративизм*.

Современный политологический дискурс, посвященный корпоративизму, парадоксальным образом сочетает в себе идеи «органической солидарности» Э.Дюркгейма и негативные исторические реминисценции, связанные с воплощением принципов корпоративного государства в фашистской Италии и нацистской Германии. Однако, как правило, рассматриваемый феномен ассоциируется с повышенным участием государства в регулировании социально-трудовой сферы, выражающимся, как мы полагаем, в наличии более или менее внятной политики согласования интересов организованного труда и капитала. Нормативно-ценностный фундамент подобной политики закладывается государством посредством формулирования неких объединительных задач и национальных приоритетов, которые требуют консолидации представителей обеих корпоративных групп. В качестве таких ориентиров английские исследователи Р.Э. Палл и Дж. Т. Уинклер выделяют «единство, порядок, экономический национализм и успех» [4]. Риторика социального компромисса и межгруппового единства, как правило, усиливается официальными СМИ и религиозными институтами, призывающими организованный труд и собственников капитала отказаться от партикулярных притязаний в пользу абстрактного или конкретного общего блага.

На сегодняшний день воспроизводство тех или иных элементов корпоративистской модели регулирования социально-трудовых отношений, обуславливается спектром актуальных политико-управленческих задач, стоящих перед современным государством. Первая задача заключается в легитимации государственной политики посредством вовлечения корпоративных групп в процесс ее формирования и реали-

зации. Российский исследователь А.М. Салмин справедливо отождествляет корпоративизм с тенденцией к «инкорпорированию» организованных интересов [9, С.299]. Политика наделяния групп давления реальной или мнимой властью, на наш взгляд, позволяет государству разделять со своими социальными партнерами ответственность за отдельные регулятивные меры и реализуемый курс в целом. Вторая задача связана с необходимостью совершенствования механизмов демократического контроля посредством делегирования соответствующих функций институтам гражданского общества, представленным, в первую очередь, профессиональными союзами и ассоциациями работодателей. В качестве третьей задачи политики корпоративизма мы выделяем взаимную координацию позиций организованного труда и капитала по вопросам, требующим достижения согласия или компромисса. В данном случае частичное выведение социально-трудового торга между работниками и работодателями на горизонтальный уровень позволяет государству снизить лоббистское давление на органы власти и предоставить конкурирующим группам интересов реальную или мнимую возможность самостоятельно устранять возникающие между ними противоречия. Однако хотелось бы подчеркнуть, что подобный горизонтальный торг становится возможным только благодаря прямому или опосредованному участию в нем государства в качестве медиатора, координирующего центра или гаранта выполнения взаимных договоренностей. Наконец, четвертая задача корпоративизма состоит в обмене актуальной информацией (результатами социального мониторинга, проектами нормативных актов, материалами исследований и т.д.), представляющей ценность в контексте выработки взвешенных и сбалансированных политико-управленческих решений.

На современном этапе развития политики корпоративизма можно констатировать существование двух взаимообусловленных тенденций: первая заключается в стремлении государства к установлению контроля над своими социальными партнерами, а вторая — в монополизации сферы политического представительства социально-трудовых интересов наиболее крупными профсоюзами и ассоциациями работодателей, обладающими разветвленными бюрократическими аппаратами и склонными к внутренней олигархизации. При учете обозначенных тенденций повышается вероятность того, что опосредованное взаимодействие работников и работодателей может быть сведено к достижению антисоциальных корпоративных сговоров между их номинальными репрезентантами. В этой связи ключевым принципом эффективной политики согласования интересов, на наш взгляд, выступает обеспечение максимального уровня легитимности институтов корпоративизма. Достижение прочного межгруппового консенсуса между организованным трудом и капиталом не представляется возможным при отсутствии у профсоюзов и предпринимательских объединений лояльной социальной базы и демократического мандата, выданного рядовыми членами соответствующих групп. Таким образом, государство оказывается перед дилеммой: с одной стороны, оно стремится заполнить систему политического представительства социально-трудовых интересов легко управляемыми организациями-клиентами, а с другой — ощущает потребность в авторитетных социальных партнерах, способных гарантировать общественную легитимацию политико-управленческих решений. В данном контексте приоритетное внимание следует уделить профессиональным союзам как наиболее массовым общественным объединениям, выступающим от имени миллионов людей труда.

Актуальной тенденцией политологического дискурса постепенно становится скепсис экспертного сообщества в отношении способности современных профсоюзов адекватно выражать и эффективно отстаивать требования людей труда во взаимоотношениях с государственными институтами. Данная тенденция, имеющая глобальный характер, на парадигмальном уровне перечеркивает доминирующую в большинстве демократических государств идеологию тред-юнионизма, в соответствии с которой за профессиональными союзами закрепляется монопольное право на политическое представительство коллективных интересов наемных работников. Наиболее интенсивно данный процесс разворачивается в странах Запада. Генеральный директор Европейского института профсоюзного движения (ETUI) Ф. Поше констатирует, что три столпа, на которых держался тред-юнионизм — массовость, участие в коллективных переговорах и устойчивые отношения с политическими партиями — пошатнулись [2]. Справедливость данного тезиса убедительно подкрепляется официальной статистикой, свидетельствующей, если не кризисе, то о существенных проблемах профсоюзного движения в глобальном масштабе.

В большинстве развитых и развивающихся государств отмечается неуклонное сокращение социальной базы профсоюзных объединений. По данным национального бюро трудовой статистики США, к 2016 г. доля членов американских профсоюзов составила 10.7% от общего числа наемных работников (14.6 млн. человек), тогда как в 1983 г. этот показатель равнялся 20.1% (17.7 млн. человек) [1]. В Великобритании охват профсоюзным членством в 2015 г. был зафиксирован на уровне 24.7%. При этом в абсолютном выражении количественный потенциал современных английских профсоюзов сократился до уровня 1919 г. (7 млн. человек), хотя еще в 1978 г. их социальная

база включала около 14 млн. трудящихся [6]. Сопоставимые по масштабу потери понесло профсоюзное движение Германии, ряды которого за последние 25 лет сократились почти вдвое. Во Франции на сегодняшний день в профсоюзах состоят менее 8% работников, что свидетельствует о троекратном уменьшении их членской базы по сравнению с 1950 г. [7] Аналогичные тенденции отмечаются в Австрии, Чешской Республике, Греции, Голландии, Польше, Венгрии, Швеции, Швейцарии, Турции, Португалии, Японии и ряде других стран [7]. Если в среднесрочной перспективе кризис тред-юнионизма усугубится, то может возникнуть необходимость в пересмотре основополагающих принципов политики согласования социально-трудовых интересов. Наиболее вероятным сценарием представляется дублирование или замещение традиционных институтов социального партнерства более эффективными политическими механизмами. Подобная тенденция может быть охарактеризована как глобальный переход от классического трипартизма к *мультикорпоративизму*, предполагающему многообразие механизмов артикуляции и согласования интересов субъектов общественно-производственных отношений.

Плюрализация институтов политического согласования интересов работников и работодателей, констатируемая в ряде Западных стран, может восприниматься не только как результат естественной эволюции гражданского общества, но и как следствие переориентации государства на взаимодействие с альтернативными формами организованного труда. В англоязычный общественно-политический дискурс с начала 1990-х гг. все более прочно входит понятие «alt-labor», используемое для обозначения совокупности организаций, которые специализируются на политической репрезентации интересов наемных работников, не являясь при этом профессиональными союзами. Преимущества

ми данных организаций по сравнению с традиционными тред-юнионами, на наш взгляд, являются такие их черты, как пластичность, мобильность, высокая адаптивность к стремительно меняющимся политическим реалиям, значительный мобилизационный потенциал, готовность к коллективным действиям, отсутствие сложившейся системы патрон-клиентских отношений с институтами власти. Высокая эффективность лоббистских кампаний, проведенных за последние годы альтернативными объединениями наемных работников (alt-labor) в США и Европе, свидетельствует о готовности государственных институтов к взаимодействию с данными субъектами. Более того, избрание на пост Президента США Д. Трампа, открыто конфронтировавшего с традиционными профсоюзами в ходе электоральной кампании, может окончательно изменить приоритеты политики согласования социально-трудовых интересов на национальном уровне и создать своеобразный глобальный тренд. В американской прессе все чаще можно встретить статьи по социально-трудовой проблематике, озаглавленные следующим образом: «Профсоюзы умирают. Что будет дальше?» [3], «Американские профсоюзы на грани гибели» [8], «Альтернативный труд преобразует политику в эпоху Трампа» [5]. Однако какие-либо утвердительные суждения о глобальном крахе профсоюзов как субъектов политического согласования социально-трудовых интересов пока еще представляются преждевременными.

Скепсис, выражаемый экспертным сообществом в отношении профессиональных союзов, постепенно распространяется на основополагающие институты и принципы корпоративизма. Очевидно, что в силу своей специфики, трипартистская политика согласования интересов не способна решить всего спектра проблем, связанных с гармонизацией отношений работников, ра-

ботодателей и государства. Границы ее применимости сужаются такими неотъемлемыми чертами корпоративистских институтов, как инертность, склонность к олигархизации, бюрократизм, неспособность оперативно и своевременно отвечать на вызовы динамично развивающегося общественно-производственного процесса. Кроме того, традиционный трипартизм зачастую игнорирует деятельность альтернативных объединений работников и работодателей, которые, как показывает практика, артикулируют интересы довольно крупных социальных общностей. Тем не менее, следует признать, что в отдельных странах Западной Европы и на постсоветском пространстве позиции традиционных институтов политического согласования социально-трудовых интересов по-прежнему достаточно сильны. Так, в Австрии, Германии, Франции и Скандинавских государствах классический трипартизм позволяет достаточно эффективно решать проблемы, связанные с обеспечением всеобщей занятости, повышением уровня оплаты труда, предоставлением социальных гарантий наемным работникам и т.д. Однако в странах, тяготеющих к моде-

ли государственного патернализма, сохранение традиционной системы корпоративистских взаимодействий может объясняться инерционностью процесса внутривластного развития и слабостью гражданского общества.

Проведенный в настоящей статье анализ зарубежного опыта реализации политики согласования интересов труда и капитала позволяет задаться вопросом о том, находят ли выявленные автором глобальные тенденции свое подтверждение в современной России? Очевидно, что в отечественной системе корпоративистских институтов за последние годы произошли определенные трансформации, нуждающиеся в глубоком политологическом осмыслении. Турбулентный характер международных отношений и нестабильная ситуация в национальной экономике становятся серьезными испытаниями для отечественной модели согласования интересов труда и капитала. От того, насколько адекватными и своевременными будут ответы на данные вызовы со стороны власти и гражданского общества, напрямую зависит поддержание политической стабильности и социального мира в современной России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Bureau of labour statistics of the USA official website [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bls.gov/news.release/union2.nr0.htm>;
2. Pochet P. Are Trade Unions In Crisis? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.socialeurope.eu/2015/05/trade-unions-crisis>;
3. Kamenetz A. Unions Are Dying. What Comes Next? // Fast Company. 28.01.2013, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fastcompany.com/3005101/unions-are-dying-what-comes-next>;
4. Pahl R.E., Winkler J.T. Corporatism in Britain. — In: The corporate state-reality or myth? L., 1976, p. 15-24;
5. Scharfenberg D. «Alt-labor» reorganizes politics in the age of Trump // The Boston Globe. 27.11.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bostonglobe.com/ideas>;
6. The UK Trade Union Membership 2015: Statistical Bulletin [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/statistics/trade-union-statistics-2015>;
7. Why French trade unions are so strong // The Economist. 17.03.2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2014/03/economist-explains-15>;
8. Why America's labor unions are about to die // The Denver Post. 4.12.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.denverpost.com/2016/12/04/why-americas-labor-unions-are-about-to-die>;
9. Салмин А.М. Неокорпоративизм в странах Запада // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». №3. 2005;

ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

К ВОПРОСУ О ДИХОТОМИИ «ПАНСЛАВИЗМ-НЕОСЛАВИЗМ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Болдин В.А.

*аспирант факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова
e-mail: boldin.v.a@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению основных подходов к определению сущности феномена панславизма в конце XIX — начале XX века. В исследовании отмечается, что в отечественной науке наблюдается тенденция противопоставления «панславизма», как идеологии XIX века, и «неославизма», как его качественно нового перерождения в начале XX века. Тем не менее, автором делается вывод о том, что подобные утверждения о концептуальном разрыве между панславизмом и неославизмом являются неоправданными, а эволюция панславистских политических концепций в начале XX века, обусловленная изменениями в историческом контексте эпохи, была логическим продолжением взглядов предыдущих поколений российских панславистов.

Ключевые слова: Панславизм, неославизм, «новое славянское мировоззрение», «неославянофильство», «Славянский век».

Boldin V.

*post-graduate student of the Faculty of Political Science, Moscow State University
e-mail: boldin.v.a@gmail.com*

ON THE QUESTION OF DICHOTOMY «PANSLAVISM-NEOSLAVISM» IN THE DOMESTIC SCIENCE

Abstract. This article is devoted to a review of the main approaches to the definition of the essence of the phenomenon of Pan-Slavism in the late XIX — early XX century. The study notes that in the domestic science there is a tendency to contrast «Pan-Slavism», as the ideology of the XIX century, and «Neo-Slavism» as its qualitatively new degeneration at the beginning of the XX century. Nevertheless, the author concludes that such statements about the conceptual gap between Pan-Slavism and Neo-Slavism are unjustified, and the evolution of Pan-Slavic political concepts at the beginning of the 20th century, caused by changes in the historical context of the era, was a logical continuation of the views of previous generations of Russian Pan-Slavists.

Key words: Pan-Slavism, Neo-Slavism, «a new Slavic outlook», «Neo-Slavophilism», «Slavic century».

Особое внимание к изучению славянской проблематики в отечественной науке далеко не случайно. Близость языков, культур, исторических судеб ставит славянские исследования особняком в области различных междисциплинарных подходов. Не является исключением и исследование, проводимые в рамках политической науки, зачастую стремящиеся объяснить многие социально-политические и экономические феномены, происходящие в славянском мире. Столь сильный интерес именно к политической повестке дня вполне объясним, ведь зачастую социально-экономиче-

ские и политические события, происходящие в славянском мире, оказывают существенное влияние на общеевропейский, а порою и на общемировой политический процесс в целом, изменяя не только геополитический ландшафт, но и во многом всю систему международных отношений.

Одной из наиболее дискуссионных тем в отечественной и зарубежной науке является вопрос о сущности такого феномена как «панславизм»¹, и, в частности, об его влиянии на выработку геополитических стратегий европейских государств. Некоторые исследователи,

констатируя изначальную несбыточность и утопичность взглядов панславистов, заявляют о том, что изучение данной идеологии не представляет научного интереса. Однако подобные выводы, на наш взгляд, крайне необоснованны. Несмотря на то, что нельзя утверждать о единстве взглядов всех сторонников славянского единения, идеи панславизма постоянно актуализировались в зависимости от изменений исторического контекста, а их жизнеспособность подтверждается тем, что зачастую современные политики, журналисты, общественные деятели и ученые до сих пор оперируют категориями дискурса панславизма. В частности, существует мнение, что «современный панславизм» вполне укладывается в проект евроинтеграции, уже объединивший в составе Европейского союза шесть из тринадцати славянских государств.

Одна из главных дискуссий вокруг идеологии панславизма разворачивается относительно эволюции панславизма в конце XIX — начале XX века. В отечественной науке четко прослеживается следующая дихотомия — в начале XX века панславизм качественно переродился в совершенно новое идейно-политическое течение «неославизм», на корню порывавшее со взглядами предыдущих поколений российских панславистов. Российский исследователь З.С. Ненашева отмечает: «Неославизм — это общеславянское движение, появившееся на арене большой политики в начале XX века. Лидеры и сторонники этого движения пытались сформулировать наднациональную общеславянскую программу. В её основу была положена идея славянской общности как интегрирующей силы, призванной обеспечить не только самосохранение, но и дальнейший расцвет славянства в качестве своеобразной этнополитической и этнокультурной общности» [15, С. 60].

По мнению Ненашевой, концептуальным отличием неославизма было то,

что сторонники «нового славянского мировоззрения» стремились «отделить сотрудничество славянских народов в сфере культуры и экономики от политических связей, найти подходы к решению наболевших вопросов — польского и македонского, при непосредственном участии славянской политической элиты и на провозглашенных ею началах равноправия» [16, С.67; 17, С.131-133]. Более того, Ненашева склонна полагать, что неославизм как идеология зародился скорее в кругах чешской национальной буржуазии.

В одном из актуальных исследований другой отечественный специалист О.В. Павленко приходит к оригинальному выводу, что панславизм по своей сути есть «европейский феномен». Автор разделяет точку зрения американского историка Л. Снайдера на то, что панславизм был проявлением «макронационализма в Европе». Павленко подчеркивает, что «истинный панславизм» зародился скорее в западнославянских странах, пытавшиеся с помощью идеологии «всеславянства» решить свои собственные национальные задачи, «компенсируя сознание собственной малочисленности уже тем, что за ними стоит сила 80-ти миллионного славянства» [18, С.10]. Павленко приходит к заключению, что панславизм в XIX — XX вв. в России и других славянских странах развивался разными путями. «Его адептов объединяла лишь идея исторической общности славянских народов и особой цивилизационной миссии славян в европейской истории. «Истинный панславизм», «имперский панславизм» (преобладавший, по мнению Павленко, в российской социально-политической мысли — ВБ.), «имитационный панславизм», «австрофильский панславизм» различались по целям, интересам, ценностным ориентирам, геополитическим мотивам и социальным коммуникациям» [18, С.18]. Именно *концептуальные* отличия в трактовках панславизма, а также

«острая конкуренция между различными славянскими центрами» в принципе не позволяют, на взгляд Павленко, говорить о преемственности или идейной гомогенности панславизма.

Тем не менее, на наш взгляд, наиболее удачное представление о соотношении понятий «панславизм-неославизм» было дано в недавнем исследовании А.А. Григорьевой. Автор пишет: «Камнем преткновения» в понимании сущности славянской идеологии является также вопрос о разграничении понятий “панславизм” и “неославизм”. В отечественной и зарубежной исторической науке принято считать, что к началу XX в. панславянская идея трансформировалась в “неославизм”, который стал формой размежевания славянского движения на рубеже XIX-XX вв. и ранних российских славянофилов и панславистов» [6, С. 45]. Тем не менее, проанализировав социально-политические взгляды сторонников неославизма в России, Григорьева пришла к интересным выводам². Во-первых, взгляды неославистов были крайне неоднородны. Многие из тех, кто самоидентифицировал себя с этим движением в открытую признавали себя последователями отечественных традиций панславизма (например, признавая себя учениками Ламанского или Данилевского), а в неославизме видели продолжение «истинного славянофильства». Во-вторых, нельзя говорить о том, что все неослависты отказывались от политических целей и задач, стремясь придать движению аполитичный характер. Таким образом, «речь шла не о трансформации, а лишь о расширении в начале XX в. средств достижения славянского единства. Поэтому отрицание преемственной связи «неославизма» с предшествующими течениями прославянской направленности, равно как и лишение его политического содержания, вряд ли соответствует действительности и является научно корректным» [6, С.46-47].

Схожего мнения придерживается и отечественный политолог Б.А. Прокудин, в своем исследовании, посвященном идее славянского единства в политической мысли России, утверждая, что нельзя проводить четкую линию демаркации между панславизмом в XIX и в начале XX века. «Идеологи славянского единства в последнее десятилетие XIX — начале XX в. вернулись к тому, с чего начинали “первооткрыватели” славянского мира, ученые слависты первой половины XIX в. — к деятельности по укреплению культурных связей «всех славянских народностей», к “культурному панславизму”»³ [19, С.104].

Безусловно, для более полного научного понимания идейных трансформаций, имевших место в идеологии панславизма в конце XIX — начале XX века, следует обратиться к текстам идеологов панславизма. Одним из главных рупоров «нового славянского мировоззрения» в конце XIX — начале XX века становится журнал «Славянский век» (1900-1904 гг.), выходивший в Вене под редакцией видного деятеля славянского движения Дмитрия Николаевича Вергуна (1871-1951)⁴. Круг журнала «Славянский Век» составили молодые слависты, журналисты и общественно-политические деятели, видевшие своими целями «1. Дать русскому и славянскому читателю полное, ясное и правдивое представление о культурной жизни всего славянства. 2. Идти на встречу желанию югозападных славян ознакомиться с русской речью настолько, чтобы русский язык мог сделаться со временем общим языком для культурных сношений славян между собой. 3. Дать австро-венгерским, русским и балканским производителям и торговцам возможность войти в непосредственные сношения» [22].

О политических взглядах сторонников журнала можно судить по очеркам одного из главных идеологов «Славян-

ского века» Ильи Владимировича Каменского (р. 1875), вышедших первоначально на страницах издания, а затем в виде отдельной брошюры, посвященной участникам Гаагской мирной конференции⁵. В своих очерках Каменский предлагает уникальный геополитический проект — создание на территории Европы трех племенных союзов на основе принципов федерализма. Каменский пишет: «Никто в настоящее время не сомневается, что человечество и особенно Европа находятся накануне великих событий. Войны греко-турецкая, японско-китайская, испано-американская, англо-африканская и недавнее столкновение Европы с Китаем являются грандиозными прелюдиями к предстоящим всемирно-историческим явлениям. Милитаризм, доведенный в Европе до небывалых размеров со времен франко-прусской войны 1870 года, закончившейся объединением почти всей Германии (за исключением областей Австрии), возбуждал и возбуждает повсюду тревожные ожидания Восточной войны» [10, С.2].

По мнению Каменского, единственным способом избежать стремительно надвигающейся войны и достижения «естественного равновесия» является культурное, а, если будет возможность, и политическое единение трех союзов одноплеменных государств: Романских, Германских и Славянских народов [10, С.9]. Критикуя концепцию «исторического права»⁶ каждого народа на национальное государство, Каменский утверждает, что только стремление к сближению и федеративному соединению по этнографическому принципу родственных наций позволит достигнуть братства, равенства и свободы в культурно-материальной и в культурно-социальной жизни. Племенной федерализм обеспечит свободное и независимое развитие каждой из культур, а их достижения станут достоянием всего человечества. В связи с этим, с точки

зрения Каменского, политическая карта Европы должна подлежать полному пересмотру, так как ее нынешнее состояние не соответствует ходу исторического развития. Так, например, Галицкая Русь должна отойти России, а левую часть Царства Польского стоило бы отдать будущему Польскому штату в составе Австрийской федерации. Это способствовало бы снятию вражды между двумя братскими народами — русскими и поляками, а в дальнейшем и созданию двух одинаково сильных «славянских великанов» — России, «содержащей в своих недрах» финнов, грузин, армян, татар, и Средне-Европейского имперского союза, состоящего из славян бывшей Австро-Венгерской империи, Греции, Румынии Венгрии, Албании. Дипломатическим и коммерческим языком будущего двойственного союза, безусловно, должен стать русский язык, а малые славянские народы должны будут жить в союзе с Россией, не боясь в тоже время быть поглощенными ею. Между тем в Европе к тому времени сложился бы Двойственный Романо-Германский Союз [10, С.50-52].

Тем не менее, несмотря на всю кажущуюся различность между взглядами представителей поколений русских панславистов, на стремление откеститься от «эпигонов славянофильства», идеологи панславизма в конце XIX — начале XX века вполне четко заявляли о том, что они являются продолжателями дела «истинного славянофильства». Так, например, Каменский убежден, что его программа нисколько не противоречит истинному славянофильству, что в ней нет мистицизма старой славянофильской школы, с одной стороны, и, с другой, — нет той нетерпимости ложных славянофилов (иначе «квасных патриотов»), которая может быть выражена тремя словами: «обрусить», «оправославить», «обюрократить» [11, С.323-324].

Примечателен тот факт, что федералистские проекты объединения славян

также развивал русский геополитик конца XIX — начала XX века Иван Иванович Дусинский (1879–1919). Однако взгляды Дусинского отличались более явным акцентом на ведущую роль Российской империи в деле объединения славян, как одной из главных геополитических целей нашего государства⁷.

Другой известный русский славист, также входивший в круг журнала «Славянский Век», Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937), с одной стороны, «признавая утопичность идей ранних славянофилов, фантастичность и политическую ангажированность их последователей» [14, С.177], с другой — находил идеологию славянофильства крайне плодотворной для умственного развития русского общества, отмечая положительную роль некоторых славянофильских деятелей. Более того, Ильинский, будучи учеником В.И. Ламанского⁸, уверен, что основной принцип славянофильства — политическая и духовная эмансипация славянского племени от других — остается в силе и в начале XX века [14, С.179]. В своих статьях «Что такое истинное славянофильство?» [8] и «Ближайшая задача современного славянофильства» [9, С.102–106], вышедших на страницах «Славянского века», Ильинский артикулирует задачи, стоящие перед «современными

славянофилами», а также формулирует свое видение значения «славянского вопроса» в современных геополитических и социально-экономических условиях.

В подтверждение тезиса о преемственности во взглядах русских панславистов также может служить мнение одного из активных популяризаторов неославизма Александра Львовича Погодина (1872–1947), утверждавшего, что неославизм есть, несомненно, продолжение панславизма, но в современной, прогрессивной, отказавшейся от старых экспансионистских амбиций форме⁹.

В заключение хочется отметить, что, несмотря на все отличия, существовавшие во взглядах сторонников панславизма, можно сказать, что эволюция идеологии панславизма в конце XIX — начале XX века была обусловлена объективными изменениями социально-экономического и исторического контекста. Во многом переход к неославизму был вынужденной мерой, ведь в новом мире «господствующего капитала», оперирование старыми идейными концептами эпохи модерна было уже попросту невозможно. Именно поэтому утверждения о концептуальном разрыве нового поколения панславистов со сложившейся традицией русского панславизма являются неоправданными.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Болдин В. А. Журнал Славянский Век (1900–1904гг.) в контексте истории панславизма // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2015» / [гл. редактор А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов]. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 40–43.
2. Болдин В. А. Истоки и генезис великохорватской идеи // SCHOLA-2013. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений», 30–31 октября 2013 года / Под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца. Сост. А. И. Волошин. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 293–296.
3. Болдин В. А. Очерки И. В. Каменского Панславизм, пангерманизм и панроманизм в хх веке (1902 г.): политико-текстологический анализ // SCHOLA-2016: Политическая текстология и история идей / Под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца; сост. А. И. Волошин; подг. текстов А. А. Горохов, А. В. Мыркова. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 26–30.

4. Болдин В. А. Эволюция великохорватской идеологии в начале 20 в. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV Международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2014» / [гл. ред. А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов]. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 60–62.
5. Болдин В.А. Рупор «нового славянского мировоззрения»: журнал «Славянский век» (1900–1904) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал), 2017. № 1. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/789>
6. Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX — начало XX века). Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2013.
7. Гудков А.В., Ширинянец А.А. Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119.
8. Ильинский Г. А. Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. Вена. 1901. Вып. 33–34. С. 261–264.
9. Ильинский Г.А. Ближайшая задача современного славянофильства // Славянский век. Вена. 1904. Вып. 76. С. 102–106.
10. Каменский И.В. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в. Посвящается участникам Гаагской мирной конференции. Одесса: типо-лит А. Шульце, 1902.
11. Каменский И.В. Тезисы панславизма // Славянский век. Вена. 1903. Вып. 59. С. 323–324.
12. Ковтуненко М. К. Развитие панславизма в Российской Империи в начале XX века // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2013» / [отв. ред. С. А. Котов]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 184–189.
13. Ковтуненко М.К. Концепция политического панславизма И.И. Дусинского // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 222–227.
14. Лаптева Л.П. Г.А. Ильинский о славянофильстве // Славянский альманах 2012. М.: Индрик. 2013. С.175–182.
15. Ненашева З.С. Братья славяне// Родина. 2006. №4. С.60–63.
16. Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М.,1984.
17. Ненашева З.С. Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. №1. С.131–133.
18. Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С. 3–15.
19. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2007.
20. Прокудин Б.А. Славянофильство и формирование русского панславизма // SCHOLA-2006: сборник научных статей философского факультета МГУ / под ред. Е.Н. Моцелкова, А.А. Ширинянца; сост. А.В. Воробьев, Т.Ю. Денисова. М.: Социально-политическая мысль, 2006. С. 203–208.
21. Прокудин Б.А. Три этапа развития русского панславизма // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. № 3. С. 91–92.
22. Славянский век. Вена. 1900. Вып. 7–8.
23. Ширинянец А. А. Ламанский Владимир Иванович // Общественная мысль России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2005. С. 248–249.
24. Ширинянец А.А. Из истории панславизма: М.П. Погодин // Роман-журнал XXI век. Путеводитель русской литературы. 2006. №12. С. 22–38.
25. Ширинянец А.А., Мыркова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / Под ред. Ширинянца А.А., перевод на хорватский язык — Сабина Фолнович. М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2010.
26. Ширинянец Александр, Мирикова Анна. Русофобский миф на «панславизма» // Политическое исследование. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1-2. 2010. С. 85–110.

ДОПОЛНИТЕЛЬНО:

- 1 В данной работе панславизм понимается как «идейно-политический комплекс, включающий разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и/или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей». [25, С. 11]. См. также: [24, С. 22-38]; [26, С. 85-110].
- 2 Подробнее о критике А.А. Григорьевой противопоставления терминов «панславизм-неославизм» см.: [6, С. 63-64].
- 3 О зарождении и эволюции идеи славянского единства в политической мысли России см.: [20, С. 203-208]; [21, С. 91-92].
- 4 О роли и месте журнала «Славянский Век» в контексте истории панславизма см.: [1, С. 40-43]; [5].
- 5 Подробнее об очерках И.В.Каменского «Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX веке» (1902 г.) см.: [3, С. 26-30].
- 6 Об использовании принципа исторического права в интеграционных геополитических проектах на примере идеологии «Великой Хорватии» см.: [2, С. 293-296]; [4, С. 60-62].
- 7 О политическом панславизме И.И. Дусинского см.: [12, С. 184-189]; [13, С. 222-227].
- 8 Об интерпретации славянской идеи в творчестве В.И. Ламанского см.: [7, С. 94-119]; [23, С. 248-249].
- 9 Подробнее о взглядах А.Л. Погодина на неославизм См.: [16, С. 128].

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Уважаемые авторы!

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: gp_j@bk.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски концевые, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.
2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.
3. Договор о предоставлении права использования произведения заключается в устной форме и является безвозмездным, т.е. плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление в свободной форме на имя Главного редактора.
4. В начале статьи авторы направляют в редакцию на русском и английском языках (обязательно для лиц, сдававших кандидатский экзамен по английскому языку) следующие сведения и материалы:
 - название статьи;
 - фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание;
 - место работы, должность, почтовый служебный адрес, контактные телефоны и адрес электронной почты;
 - аннотацию (4–5 строк);
 - ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);

Кроме того, автор представляет только на русском языке приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках в конце статьи).
5. Данные, представляемые в редакцию в соответствии с п.4 пунктом, будут размещены в РИНЦ.
6. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.
7. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону (495) 7-400-600 или по e-mail: gp_j@bk.ru